

**Мать и мама
Сергей Набоков**

Сергей Набоков

Мать и мама

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69285673

SelfPub; 2023

Аннотация

Молодая деревенская девушка мечтает стать учителем русского языка и направляется поступать в институт. По дороге она знакомится с молодым человеком, который приносит в её жизнь не только много интересного, но и преграды к личному счастью. Со временем жизненные ценности начинают меняться и мечта сменяется желанием о ребенке, но на пути к материнству героиню ждут новые испытания.

Содержание

Посвящаю маме	4
Глава вторая	17
Глава третья	23
Глава четвертая	28
Глава пятая	31
Глава шестая	35
Глава седьмая	43
Глава восьмая	48
Глава девятая	51
Глава десятая	60
Глава одиннадцатая	79

Сергей Набоков

Мать и мама

Посвящаю маме

Глава первая

– Элеонора Арсентьевна, просыпайтесь! – тихо, чтобы не напугать и не разозлить пациентку, прозвучал голос медсестры, вошедшей в палату.

Палату нельзя было называть таковой, скорее это была просторная квартира-студия. Тут был отдельный туалет, небольшая ванная комната и кухонный уголок с холодильником, стол для приёма пищи, и даже свой телевизор, который включался очень редко, так как Элеонора Арсентьевна предпочитала больше читать, чем смотреть телевизор. Книг в палате было много, что было не удивительным, ведь Аля всегда мечтала быть учителем русского языка и литературы. Это потом она станет властительной женщиной с импозантным именем Элеонора, позабыв о давней мечте учить сельских мальчишек грамоте, но любовь к чтению у неё осталась на всю жизнь, что сделало её очень грамотной, начитанной женщиной.

– А кто спит!?! – хриплым сонным, но волевым голосом буркнула Элеонора Арсентьевна, открыв глаза. Это она по привычке – быть строгой, словно, защищаясь этим самым от всего мира, ответила медсестре так, как будто не спала. Хотя её сон был настолько глубок, что, кажется, Элеонора Арсентьевна могла бы проспать ещё целый час. Ей снилось что-то доброе, но что именно, она никак не могла вспомнить, не смотря на то, что её глаза только что открылись. Она силой заставляла свою память вернуть ей воспоминания о сне, но всё тщетно, может быть, поэтому она рассердилась на медсестру, что та оборвала иллюзию счастья.

Элеонора Арсентьевна, посмотрела на медсестру, стоящую со шприцем, дожидаясь расположения Элеоноры Арсентьевны.

– Ладно, ставь! Всю кожу мне уже исколола! Специально что ли издеваешься надо мной? Удовольствие доставляет что ли? – буркнула ещё раз недовольным голосом и, сменив гнев на милость, завязала общение, -погода, думаю, будет хорошей сегодня.

– Вот и Вам так думается, – вежливо подхватила медсестра, – мне показалось, когда я бежала утром на работу, что сегодня воздух особо нежный, толи из-за аромата черёмухи, толи настроение хорошее; быть хорошей погоде!

– Да, да! Значит, так тому и быть, не можем же мы обе ошибаться, – Элеонора Арсентьевна улыбнулась медсестре, – ты бы мне хоть форточку приоткрыла, впустила это-

го черёмухового воздуха! А то букета от вас не дождёшься! Лёшка быть хоть ветку сорвал для меня.

– Обязательно скажу Алексею Сергеевичу, чтобы веточку черёмухи для Вас принёс. Он к Вам и так сегодня собирался зайти, – медсестра в нужный момент остановилась, поняв, что заболталась и сказала лишнего.

– А что это он собирался? Дело, что ли какое есть? Обычно так заходит безо всяких сборов! Не люблю я никаких дел!

– Не знаю, Элеонора Арсентьевна, не знаю! Так мне показалось.

– Показалось ей, всё утро кажется! Иди по своим делам, – опять забурчала Элеонора Арсентьевна, – стой, Дашка, пусть на завтрак сегодня кашу не несут мне! Посреди горла уже стоит ваша каша. Бутерброд что ли какой-нибудь пусть дадут, с колбаской.

– Так Вам же нельзя такое, Элеонора Арсентьевна! – как бы отговаривая, ответила Даша.

– Ой! Иди уже! – махнув на медсестру чистым полотенцем, которое Даша только что подала, – молодая, а такая зануда, как старая бабка! Чтоб тебя внуки каждое утро кормили такой кашей!

– Так она же вкусная, – улыбнулась Даша, – с ягодками!

– Ну тебя! – улыбка дернула уголки глаз Элеоноры Арсентьевны, – ступай, сегодня сама умоюсь, не помогай!

Сделав воду более теплой, Элеонора Арсентьевна долго держала руки под струёй воды. Набирая воду в свои морщи-

нистые руки, она выпускала воду вновь и вновь, сравнивая годы своей жизни с водой, которые прошли так же быстро, словно, вода, утекающая сквозь пальцы.

– Странный день, – подумала Элеонора Арсентьевна, анализируя витавшие в памяти чувства, оставшиеся ото сна, непринуждённый разговор с медсестрой и запах черёмухи, наполнивший палату через открытую форточку, всколыхнув память Элеоноры Арсентьевны, отправляя её мысли в глубокую молодость.

Взяв с полки книгу Чингиза Айтматова, Элеонора Арсентьевна, расположилась в кресле перед окном, поспешив отправить свои мысли на «Плаху», желая тем самым отвлечься от своих переживаний, которые были готовы испортить настроение на весь день, погрузив Элеонору Арсентьевну в депрессию.

Эту книгу Элеонора Арсентьевна читала уже много раз, но привычка ежедневного чтения не делала историю скучной. Успев погрузиться в роман, Элеонора Арсентьевна вернулась в палату со стуком в дверь.

– Да? – спросила хозяйка комнаты, сняв очки.

– Доброе утро, Элеонора Арсентьевна! – в плату вошёл Алексей Сергеевич.

– А, Лёша,ходи! – Элеонора Арсентьевна положила книгу на тумбочку, – доброе! Если оно доброе!

– Да как же не доброе, погода обещает сегодня быть очень даже ничего! Воздух просто бархат! – Алексей Сергеевич

улыбнулся.

– Я этот бархат только в окно и смотрю, Лёша!

– Как Ваш лечащий врач, я прописываю Вам обязательную прогулку на свежем воздухе! Именно сегодня!

– Хорошо, я подумаю.

– Не надо думать, нужно погулять! Я скажу Дарье, чтобы перед дневным сном погуляла с Вами!

– Никого не нашли? – с надеждой на хорошие новости спросила Элеонора Арсентьевна.

– Нет, к сожалению донора нет! Группа крови очень редкая у вас, а подходящий материал еще сложнее найти.

– Не понимаю в чём проблема!

– Элеонора Арсентьевна, основной проблемой при трансплантации костного мозга является отторжение по принципу реакции отторжения трансплантата. Поэтому все анализы направлены на подбор наиболее совместимого с пациентом донора.

– Так и скажи, что денег жалко не старуху! И нечего мне тут умными словечками куралесить!

– Зачем вы так. Дело не в деньгах, совместимость – вот главное.

– Столько лет ищем, и всё без толку! – с покорностью произнесла Элеонора Арсентьевна и отвела взгляд в окно на куст черемухи, который тянулся своими ветками к её окну.

Алексей Сергеевич поставил стул к креслу и взял за руку свою главную и любимую пациентку. Он смотрел на ли-

цо этой удивительной женщины, некогда бывшей властной и влиятельной особой. Он помнил её в самом расцвете сил, помнил её красоту и природную мощь очарования Элеоноры Арсентьевны, способных сокрушить в одночасье любое мужское сердце. Старость – самая презрительная маска, которая уготована человеку. По лицу Элеоноры Арсентьевны всё ещё было видно, что красота коснулась этой женщины самым щедрым способом. Но теперь, старость поселилась на этом прекрасном лице, испепеляя его морщинами, как безжалостный рой моли пожирает самое восхитительное манто.

– Вам нужно отвлечься! – подбадривающим тоном заговорил Алексей Сергеевич.

– Чего? – удивилась Элеонора Арсентьевна, – может ты мне на танцы прикажешь сходить?

– Если бы не ваш артрит, я бы обязательно вам прописал танцы, но я о развлечении другого свойства.

– Что ещё? – с настороженностью бывшая красавица посмотрела в глаза Алексею Сергеевичу.

– Как врач, могу сказать, что вам необходима хорошая собеседница.

– Вот ещё! Ни с кем я не хочу общаться! Мне и Даши хватит. Ты, Лёша, мне не даёшь скучать. Не надо мне никого тут сватать! Что я тебе, старуха какая-то по лавочкам тут скитаться, – Элеонора Арсентьевна кивнула головой в сторону приусадебного парка с аллеями и скамьями.

– Элеонора Арсентьевна, – деловито начал Алексей Сер-

геевич, – у меня к вам просьба-рекомендация. Вы, действительно, хандрите от одиночества.

– Ни сколько!

– Подождите, дослушайте, пожалуйста! Книги – это замечательно, – Алексей Сергеевич заметил, что Элеонора Арсентьевна тут же взяла книгу в руки, дабы парировать, что ей нисколько не скучно, – но вам не хватает простого человеческого общения. К тому же, теперь о просьбе, ко мне обратились очень хорошие люди, которым я не хотел бы отказывать. К нам поступает новая пациентка, пока не знаю на сколько. Но я хотел бы её окружить, как и вас, заботой и вниманием. Вы прекрасно знаете, что возможности нашего пансионата ограничены в плане свободных мест, а ваша комната вполне способна принять ещё одного человека, но я повторюсь, подселая к вам человека, я, в первую очередь, хочу вас оградить от тоски и одиночества, хотя бы на это время. Тем более, думаю, эта женщина вам понравится. Кстати, она, как и вы, педагог, так сказать коллеги.

– Что? Учительница! Вот ещё, не хватало мне тут её занудства! Будет мне тут нотации читать да причитать, как её бедняжку детки родные спрятали в дом престарелых. Воспитывать нужно было, как следует. А теперь я должна её тут веселить-развлекать! Да, она, небось, и храпеть будет! Да! Все старухи храпят, как кони!

– Вы обязательно поладите, Элеонора Арсентьевна? – спросил одобрения Алексей Сергеевич.

Элеонора Арсентьевна замолчала. Видно было, что она думает, советуется со своим внутренним миром, в котором и с которым она жила последние годы.

– Ну, если это временно, и не надолго... Но если она будет меня доставать, то я её вместе с кроватью в коридор вытолкаю! – пробубнила Элеонора Арсентьевна, шлёпнув книгой об тумбочку.

– Спасибо, Элеонора Арсентьевна!

– Не хочу смотреть на все эти заселения. На улицу выйду. Вы тут сами, без меня!

Выйдя на свежий воздух, Элеонора Арсентьевна вдохнула полной грудью, и отправилась на прогулку по территории пансионата.

Пансионат окружал небольшой лес, стилизованный под парк с прочими выдумками ландшафтного дизайна. Территория была не большой, но её было достаточно для прогулок пожилых людей, которые в присутствии сиделок, начали выходить на открытый воздух после завтрака. Не желая ни с кем здороваться, Элеонора Арсентьевна, отошла на второй круг тропинок, по которому прогуливались в обеденный перерыв либо сотрудники пансионата, либо жильцы пансионата, у которых ещё хватало сил на более долгие прогулки, но таких было мало.

Элеонора Арсентьевна села на скамью. Улыбнувшись, она позволила солнцу понежить своё лицо теплом утренних лучей. Привыкшая к одиночеству, Элеонора Арсентьев-

на вдруг почувствовала прилив жизненной энергии и хорошего настроения. Такого давно не наблюдалось. Долгие годы проходили в легкой форме депрессии и копании в своих ошибках, допущенных в жизни. Она оценила старания Алексея Сергеевича и его идею с подселением. Пансионат был небольшой, но место для одной старушки было точно, и Элеонора Арсентьевна знала об этом хорошо. Соседняя палата стояла пустой второй месяц, с тех пор, как в ней закончил свой жизненный путь отставной генерал-лейтенант Константин Максимович, которому не нашлось места в семье своего единственного сына, действующего генерала. Константин Максимович никогда не жаловался своей соседке на сына, напротив, говорил от том, что решение лечь в пансионат, который, по сути, был элитным домом для престарелых, было его собственным решением, и он никак не хотел нагружать своего сына заботами о старике отце. Возможно, так и было, но Элеонора Арсентьевна верила, что позиция стариков считать, что, укрываясь в доме престарелых это собственное решение стариков, и это своего рода забота о детях, было всего лишь самообманом несчастных стариков. Она знала, почему она тут находится, у неё попросту не было никого. Она была одинока, как берёзка в степи, выросшая по невесть какому случаю. Но те старики, которые тут находились, не были одиноки. Их содержание в этом месте стоило очень не дёшево, и платили по счетам этого заведения не они, а их дети. Это и было главным доказательством её собственной

теории старческой ненужности, так она называла постояльцев этого заведения.

– Вот и сейчас привезли ещё одну старческую ненужность, которая запоёт мне песню о счастливой семье и заботливых детях, которые от бесконечности своей любви к мамаше решили спрятать её в этот особнячок, покрывая оплатой за содержание свой стыд перед родителями! Старик – это дорогая вещь, которая дорога теперь, только как память! Она отслужила своё, сделала своё дело, а теперь в кладовку, на чердак! – размышляла Элеонора Арсентьевна, улыбаясь солнцу с закрытыми глазами.

– Ладно, пойду послушаю, ещё одну басню, – сказала вслух Элеонора Арсентьевна и тихим неспешащим шагом пошла к себе.

Когда она вошла в свою комнату, первым делом осмотрела перестановку. Кресло, в котором Элеонора Арсентьевна любила читать перед окном, вместе с тумбочкой перенесли к противоположной стене, где стоял обеденный стол, и вместо этого поставили кровать для новосёла. Это не понравилось хозяйке комнаты. Во-первых, место у обеденного стола не подходило для чтения, так как этот угол был темным даже в дневное время, а при искусственном свете, Элеонора Арсентьевна не любила читать, а во-вторых, их кровати теперь стояли, что называется «голова к голове». Между кроватями оставалось расстояние не менее метра, но этого, казалось, недостаточно и храп подселенки обещал быть слышен.

Элеонора Арсентьевна тяжёлым оценивающим взглядом оглядела соседку, словно, провинившегося ученика.

– Здравствуйте, Элеонора Арсентьевна! Уж простите, что я как снег на голову вам свалилась. Ничего не могу поделать, определили, как есть, – гостья развела руками.

– Ничего. Потеснимся, – Элеонора Арсентьевна встала спиной к гостье и начала раздеваться, – я с прогулки, переоденусь. Вас как зовут?

– Забыла представиться, Марина Ивановна я! Можете Мариной называть, как вам удобнее будет.

– А вы меня можете называть Алей. Но только, когда мы наедине. При посторонних нельзя! – предупредила Элеонора Арсентьевна, – так меня родители называли. Это уже потом, для важности выбрала такое имя, как теперь говорят для имиджа. Ну, каким ветром вас сюда? – Элеонора Арсентьевна задала главный вопрос, который только из вежливости не спросила в первую очередь.

– Сын у меня в загранпоездке, второй год уже. Приезжает раз в полгода на неделю домой. К осени должен контракт закончиться, вернётся совсем. Он у меня инженер, на атомных станциях работает. Вот сейчас закончат проект и вернется.

– Ну? А тут как оказались?

– Давление скачет. Сын сноху с детками, двое у них, позвал к себе на лето, там тепло, море недалеко, к осени как раз и вернутся все вместе. Ну, а меня куда? С ними никак, да и не хочу я никуда лететь. А дома одну побоялись оставлять,

без присмотра. Сноха даже хотела остаться дома. Да разве я соглашусь на такое, испортить отпуск детям. Ничего! Сын был против, но я сама настояла! Вот, нашли место, говорят хорошее.

– Да, да, сказочку придумала! Храпишь, небось, вот и сдали тебя! – Элеонора Арсентьевна рассмеялась.

– Храплю, наверное! – улыбнулась Марина Ивановна, поддержав шутку хозяйки.

– Не обижайся меня, дружить, так давай дружить будем! Безо всяких там этикетов. Он мне при жизни надоел. Подругами будем!

– Я не против! – улыбнулась Марина Ивановна.

– Но, знай, будешь храпеть, скандалить буду, – на полном серьезе предупредила Элеонора Арсентьевна, выполнив второй обязательный пункт, намеченный в плане знакомства.

– Не знаю, обманывать не стану, – Марина Ивановна пожала плечами.

– Ладно! Скоро обед принесут, время к обеду. Обед тут хороший. Только меня голодом морят, постнятину всё подсовывают. Говорят, гиполипидная диета там какая-то мне прописана. Так ты меня хоть угости чем-нибудь.

– Угощу, – Марина Ивановна улыбнулась, – но только раз, нельзя так нельзя, – заботливо предупредила Марина Ивановна.

– Ой! Так я и знала, что все учителя зануды. Что хоть преподавала?

– Химию, – ответила Марина Ивановна.

Если по лицу Элеоноры Арсентьевны можно было сказать, что её лица коснулась рука богини красоты, то по лицу Марины Ивановны можно было сказать, что это лицо всё ещё излучало добро и любовь. Марина Ивановна была очень добрым и милым человеком. Седой волос подчёркивал голубизну открытых глаз, а белая кожа лица говорила о благородстве её характера.

– Алексей Сергеевич сказал, что мы с вами коллеги. Вы тоже учитель?

– Да. Я тоже. Русский и литературу преподавала. Директором школы была, долгие годы. А теперь тут доживаю. Мир вижу из этого окна. Вижу как сюда приводят, и ни разу ещё никого не забрали.

– А ваша семья? – аккуратно спросила Марина Ивановна, не настаивая на ответе.

– Лёша теперь моя семья.

Глава вторая

– Аля, просыпайся! – мама легла рядом с дочкой, – может, не поедешь? Передумаешь? – мама гладила Алю по голове, как гладят, жалея маленьких детей, – в колхоз пойдешь работать через годок. Пока дома побудешь, отдохнешь от своих книжек. Братишку поможешь мне воспитывать.

– Мам, я обязательно вернусь, честное слово! Вот выучусь и обязательно вернусь. В нашей школе буду ребятишек учить читать, писать. А вы с папкой гордиться мной мною будете.

– А мы уже тобой гордимся, – мама смахнула слезу.

– Вставайте, некогда разлёживаться, – из гостиной пробурчал отец, – к ночи до Целинограда доберёшься, будете тут разлёживаться.

– Даст Бог, не поступишь и вернёшься! – расплакавшись, мама закрыла лицо платком.

Аля выбежала во двор умыться в огороднике и чтобы не расплакаться, что ещё больше бы расстроило маму. В эту минуту ей было очень жалко маму, но ехать ей тоже хотелось очень сильно. Поступить в институт в начале шестидесятых годов, для деревенской девчонки казалось чем-то несбыточным. Но внутренняя уверенность и стремление к науке, не позволяла сомневаться в успехе.

До трассы нужно было ехать несколько часов. Отец всю дорогу молчал, лишь изредка ругая лошадь, когда та сбав-

ляла темп. Аля лежала в телеге на соломе, радуясь, что уже сегодня увидит город с его многоэтажными кирпичными домами в пять этажей, о которых слышала от учителя в школе, про асфальтированную дорогу, так и заснула, под свист кузнечиков, разносящийся на всю степь.

– Вставай, дочка! Машина идёт, – отец разбудил Алю, заметив издали бортовую.

– Земляк, случилось чего? – шофёр высунулся в окошко.

– Дочку отправить надуть, сам куда едешь то? – спросил Алин отец.

– В Целиноград.

– Во! И нам туды!

– Но мне ещё в Атбасар нужно, сразу предупреждаю!

– Надолго?

– Не, загрузиться на базе и дальше.

– Ну, это ничего. Прыгай дочка в кабину, – отец закинул узелок и чемодан в кузов, и полез в карман за деньгами.

– Папка, не пускай меня с ним! – Аля выскочила из кабины, шепнув на ухо отцу.

– Чего? Что ещё удумала? – возмутился отец.

– Папка, миленький, потом скажу, не пускай меня только! – Аля слёзно запросила.

– Ну, вы едете или что? – крикнул шофёр.

– Погодь, ты! – отец строго посмотрел на Алевтину, и прыгнул в кузов за вещами, – ехай, давай! – крикнул отец шофёру, услышав, что тот начал браниться.

– Прости, папка!

– Напужал тебя чем? – спросил отец, набивая самокрутку.

– Посмотрел на меня нехорошо так, что страшно стало.

– Гнида какая, – выругался отец, раскуривая папироску.

– Папка, вон смотри, ещё кто-то едет...

– Верно, видать легковой. Если этот не возьмёт, то видать судьба домой тебе воротиться, вот мамка то обрадается.

– Обязательно возьмёт, – обрадовалась Алевтина.

– Эка, какой автомобиль, такой точно не возьмёт, – удивился отец автомобилю, которого раньше никогда и не видел.

– Добрый день, папаша! – из машины вышел молодой мужчина в черном костюме, – помощь нужна?

– Дочку в город надыть отправить!

– В Атбасар?

– В Целиноград собралась девка, на учёбу!

– На учёбу – это хорошо. И мне туда! Я Лев Аркадьевич, – представился молодой человек, – а вы кто?

– Алевтина, – Аля смущенно опустила глаза.

– Ну, хорошо, Алевтина, садитесь в машину. Иван Федотович, откройте багажник, вещи нужно убрать, – Лев Аркадьевич скомандовал своему водителю и обратился к отцу Алевтины, – ну, папаша, не переживайте, доставим дочку в целости и сохранности!

Пока отец не съехал с грейдера, Аля продолжала махать ему рукой в заднее стекло автомобиля. Хотя отец уже давно не смотрел в след уезжающего автомобиля, зато за что-то

бранил лошадь, должно быть за её нерасторопность.

Усевшись по удобнее и расправив платье, Аля рассмотрела салон автомобиля, остановив взгляд на Льве Аркадьевиче.

Лев Аркадьевич достал из кожаной папки какой-то документ и принялся его внимательно читать, как бы нарочно демонстрируя свою занятость, тем самым позволяя Алевтине разглядеть себя.

Лев Аркадьевич был выше среднего роста. Он не был худощав, его стройное телосложение скрывалось под плотным материалом двубортного костюма. Русые волосы, переливались шёлком, обдуваемые теплым воздухом из открытого окна. Голубые глаза, контрастируя с белой кожей лица, казались скорее синими, чем голубыми. Лев Аркадьевич, выглядел кинозвездой; дорогой костюм, черный автомобиль с водителем, – всё это казалось Але какой-то нереальной сказкой. На правой руке Льва Аркадьевича блеснуло обручальное кольцо, вернув Алю обратно на землю.

– Так говорите, учиться собрались? – Лев Аркадьевич улыбнулся, сконфузившейся Алевтине.

– Да, – смущённо ответила Алевтина, поняв, что Лев Аркадьевич заметил, как она его разглядывала.

– Похвально, очень похвально. И на кого учиться собираетесь?

– Учителем хочу стать.

– Учителем? И чему вы хотите детей учить?

– Читать, писать по-русски.

– ... я русский бы выучил только за то, что им разговаривал Ленин... Стало быть вам в педагогический нужно!

– Стало быть!

– А остановиться в Целинограде есть у кого?

– Да, мама написала.

– Ну, что ж! Поможем, завезём! Поможем, Иван Федотович? – с улыбкой спросил водителя Лев Аркадьевич.

– А от чего не помочь, если адрес известен, – с участием ответил водитель.

– Известен, – с неким воодушевлением сказал Лев Аркадьевич.

Сегодняшняя встреча и для Льва Аркадьевича не стала рядовым событием. Юная девушка его тоже несколько взволновала – Алевтина была необычно красива для деревенской девушки, – такую и в городе не часто встретишь, – подумал Лев Аркадьевич.

– А вы учились? – спросила Аля.

– Я? – задумавшись, переспросил Лев Аркадьевич, – я, да.

Этим летом пять лет, как отучился.

– Такой молодой, а уже директор.

– Почему же директор? – засмеялся Лев Аркадьевич.

– Машина, – Аля кивнула на водителя.

– Нет, я не директор. Работаю я в Обкоме, а машина не моя. По поручению ездил, – Лев Аркадьевич поймал взгляд водителя в зеркало заднего вида, – подремлите, дорога даль-

няя, – сказал Лев Аркадьевич, снова взяв бумагу в руки.

Казахская степь ровная и бескрайняя, словно поросший степной травой океан. Маленькие деревеньки, изредка попадавшиеся на пути, своими пустынными улицами напоминали необитаемые островки, затерянные в бесконечности этого океана.

Несменяемый пейзаж действует успокаивающе, и везде кажется родным, будь ты за тысячу вёрст от родного дома, а всё тот же кузнечий треск и ковыль, разливаясь волнами под степным ветерком, напомнят вид из домашнего окна.

Во сне Аля видела себя десятилетним подростком, как она купается с соседскими ребятами на речке, загоняя в марлю мальков. Кусочек черствой горбушки, смоченный в речной воде, к вечеру казался самым вкусным лакомством на свете. Купания на речке сменились прятками в огуречнике. Черная машина притягивала солнечный свет, накаляя воздух внутри, видимо, поэтому Але снилось, как она брызгалась прохладной водной из бочки в огуречнике, после чего папка бранился за мокрую дорожку. А ещё – мама, снилась мама. Как её нежные руки вытирали Але мокрое лицо. Смех и радость мамы казались такими родными и далёкими, что горькие слёзы потекли из закрытых глаз Алевтины.

– Адрес нужен? Куда завозить? – от слов водителя Аля открыла глаза. Её голова лежала на плече Льва Аркадьевича.

– Приехали, – улыбнулся Лев Аркадьевич, – Целиноград! Нужен адрес.

Глава третья

– В полночь автомобиль превратился в карету, и сказка исчезла вместе со сном? – спросила Марина Ивановна, выслушав историю Элеоноры Арсентьевны.

– Отнюдь... – продолжила рассказ Элеонора Арсентьевна, – Адреса не оказалось.

– Как это?

– На том месте уже стояли новые многоквартирные дома. Старые дома снесли, а жильцов расселили. Я даже не знала тех людей, и никогда больше не искала. Поняв, что я осталась ни с чем, Лев Аркадьевич предложил остановиться в ведомственной квартире. Тогда я в первый раз поняла, что что-то не так. Водитель спросил у Льва Аркадьевича, что, мол, не будет ли кто-то чем-то не доволен. Я не расслышала кто и чем. Я даже не придавала значения этому. В ответ, Лев Аркадьевич попросил его не придавать этому значения и забыть, не оставлять же ему меня было на улице. Квартира была большая, высокие потолки, четвёртый этаж, мне казалось, что это выше нашей сопки, – рассмеялась Элеонора Арсентьевна. – Богатая мебель, посуда, и даже телевизор. Я тогда телевизор только у соседей смотрела, у нас только радио было. Лев Аркадьевич уехал и попросил ждать его завтра. Приехал он только через день. Я даже начала волноваться, но что мне было делать. Сидела, как мышка, и смотрела весь день

напролёт в окно, это была самая настоящая сказка. А утром он приехал. Без водителя, без машины. Нашёл мне комнату около института, сам оплатил, а через месяц, когда уже поступила, пошла в общежитие жить. Мы практически не виделись. Раз в полгода, может, реже. Он заезжал справиться как у меня дела. Потом, случайно, я узнала, что он каждый месяц справлялся моими результатами, звонил в институт.

Однажды, он меня дожидался около общежития, пригласил в кафе, потом пошли в кино – мороженое ели. А когда он меня проводил до общежития, он меня поцеловал – впервые. Наверное, это был второй, или даже третий курс. Я обомлела. Толи от страха, толи от счастья. Нужно ли говорить, что я влюбилась в него в ту же секунду, как только он открыл дверь автомобиля, когда я его впервые увидела?! К этому моменту я была без ума от него. Я скрывала свои чувства, как только могла. Возможно, он и не замечал этого, хотя, нередко ловил мой взгляд, когда, украдкой, я, словно дикий зверь, впивалась в него своим взглядом. Его красота была неземной – это и было причиной его женитьбы. Я помнила, что он был женат. В тот день он снял обручальное кольцо. Я это заметила, но спросила только после поцелуя. Он ответил мне, что это не развод – чтобы не доставлять кольцом неудобства мне, что-то вроде этого. Я попросила его надеть, и снять только тогда, когда он разведётся. Но на разводе я никогда не настаивала. Для меня существовал только он! Только он!

Если бы я знала, где он живёт, я бы как собака сидела под

его окнами, лишь бы его увидеть. В институте было много мальчишек, весь поток был в меня влюблён, я была красивой, не то, что сейчас, – Элеонора Арсентьевна посмотрела на свои морщинистые руки, – но я их даже не замечала. Лёва был мой киногерой в реальной жизни. Конечно же, я не смогла устоять. В тот же вечер, он сказал, что никогда не бросит свою жену и поймёт, если я не захочу нашего общения, но я не смогла.

Я вбежала в комнату, словно птица, вырвавшаяся на свободу – в мир своей стихии. Любовь стала моей стихией – стихией чувств и эйфории! Лёва относился ко мне очень вежливо, не позволял никаких непристойностей. Поцелуи. Какие они были сладкие! Я до сих пор помню аромат и тепло его губ. Это как запах и вкус из детства – помнишь всю жизнь! Мы встречались редко, но это были незабываемые дни, я помню каждый день в отдельности. Помню, какого числа это было, куда мы ходили, в какой одежде он был. До сих пор, веришь?

Я стала с ним близка только после окончания института. Это было моё первое взрослое свидание. В тот вечер я поклялась, что всю жизнь буду принадлежать только ему, он мне пообещал, что всю жизнь будет любить только меня.

Он был старше меня почти на десять лет, настолько же лет, он был младше своей жены – Лидии Андреевны Горонковой, дочери первого секретаря обкома – Андрея Степановича Горонкова.

Мой бедный Лёва, он попал в те же сети, что и я. Со своей женой он познакомился на каком-то съезде или что-то вроде съезда. Молодого красивого студента-комсомольца она не смогла пропустить мимо себя. Познакомила с папой – партийный босс, произвёл должное впечатление на молодого парня, а через полгода Лидка женила Лёву на себе. Кстати, машина тогда была папаши Лидии Андреевны, и водитель его. Лёве, как члену семьи, перепали определённые привилегии. Карьера Лёвы росла вместе с ростом влияния папаши в партии.

О нашей связи никто не догадывался, а если кто-то замечал нас вместе, Лёва представлял меня троюродной сестрой из глубинки, только от водителя тестя прятал, тот бы всё сразу прознал. Устроил меня в школу учителем без распределения, выхлопотал мне квартиру – двухкомнатную, – подчеркнула Элеонора Арсентьевна, – сказал, что больше всего на свете хочет жить со мной в этой крохотной квартирке, для него она была крохотной, – рассмеялась Элеонора Арсентьевна, – для меня же это было пределом мечтания на тот момент. Я понимала, как он хочет быть со мной рядом, мне его даже было жалко – как он мучился и изнывал в тоске по мне. Я знала, что номенклатурная жизнь стала неотъемлемой частью его жизни, и он не мог уже отказаться от этого. В семидесятом Горонкова перевели в Москву. У него не получилось забрать дочь с собой в Москву, но он смог им выхлопотать тёплое местечко в Свердловске.

Лёва уехал на долгие пол года это было самое тяжело е время для меня, для него тоже. Только работа нас спасала от тоски. В семьдесят первом году, Лёву направили в составе делегации в заграничную поездку в Чехословакию, до этого он ещё не был за границей, разумеется, Лидия Андреевна должна была ехать с ним, но у неё что-то тогда со здоровьем произошло, легла на операцию, ей уже было к пятидесяти годам, но Лёву отпустила. Вот тогда он и решился.

Глава четвертая

– Это не справедливо, дорогая, – Лев Аркадьевич положил голову на грудь Лидии Андреевны, лежащей на больничной койке, – я так мечтал об этой поездке и не хочу ехать без тебя. Я переживаю за тебя!

– Мой мальчик, не переживай, – слабым голосом успокаивала Лидия Андреевна Льва Аркадьевича, – операция не серьезная, тем более Давид Генрихович будет оперировать. Папа сказал, он приедет в день операции.

– Правда?

– Конечно, правда! Ты должен ехать! У нас ещё будет возможность. Чтобы тебе не было одиноко в поездке, пусть тебя греет мысль, что следующей поездкой будет Франция, обещаю тебе, папа устроит, – Лидия Андреевна гладила голову Льву Аркадьевичу, как ребёнку.

– Жалко, что место останется пустым, такая возможность пропадает.

– Ну, ничего. Что поделать.

– Родственникам бы показать за границу, да взять некого.

– Да кого ты возьмешь? Некого.

– Разве, что – Алевтину.

– Какую Алевтину? – удивилась Лидия Андреевна.

– Да как же какую? Аля, из Целинограда, родственница моя, далёкая, я как-то говорил, которая приехала в педин-

ститут поступать, помнишь?

– Алевтина? Не помню, Лёвушка.

– Не удивительно, Лидушка! Тебе сейчас не до того. Ладно, не напрягай память, тебе надо отдыхать.

– Наверное, лекарство действует, не обижайся Лёвушка, не припомню. Но если тебе будет так спокойнее, то так и быть, пригласи её, когда ещё получится в заграничную поездку съездить, помоги родне. А я с папой поговорю, сегодня же, он поможет. Обязательно поможет! Ты молодец, что про неё вспомнил, надо помогать родне. Мы же никогда твоим не помогли, – расстроилась Лидия Андреевна, – это карма, поэтому на койке лежу сейчас, – прошептала Лидия Андреевна, чтобы никто не услышал, хотя в палате больше никого не было.

Лев Аркадьевич понимал, что единственный момент представить Алю, да ещё взять её с собой в поездку. Будь Лидия Андреевна в ясной памяти, такой представить такой разговор было даже не возможным. Память у Лидии Андреевны была, как у слона. Теперешнее полусонное состояние Лидии Андреевны позволяло внедрить в её память якобы воспоминания об Алевтине, о которой, разумеется, Лев Аркадьевич даже и не думал говорить.

– Алюшка, девочка моя, как же я люблю, родная моя! Голубушка! Сердечко ты моё нежное! – Лев Аркадьевич покрывал лицо Алевтины поцелуями.

– Лёва! Лёвушка! Откуда ты? – не сдерживая слёз, спро-

сила Алевтина, утопая в поцелуях Льва Аркадьевича.

– Прилетел я! За тобой моя малышка! За тобой! Завтра, утром в Свердловск, и сразу в Москву.

– В Москву? Лёва, что случилось? Где жена?

– Что Москва, Алечка! В Прагу! Ты летишь со мной в Прагу! – не сдерживая чувств и напора, не унимался Лев Аркадьевич.

– Лёвушка, уж не пьян ли ты!? – улыбнулась Аля.

– Нет, моя девочка! Сейчас или никогда! Жена в больнице, всё устроится. Как же я тебя люблю!

Глава пятая

– Он не любил её. Никогда. Он её не ненавидел; относился как к деловому партнёру, как к товарищу по партии, – засмеялась Элеонора Арсентьевна. Лёва потом говорил, что с товарищем Лидой, физическая близость была раз в год – для галочки, раз семья. Хотя детей так и не было. Думаю, она понимала, Лёва её не любит. Ей было достаточно, что он её муж. И она знала, что он никуда от них не денется, ибо сам себя в эти золотые кандалы заковал добровольно. Я его к ней никогда не ревновала. Когда я её в первый раз увидела, мне даже Лёву жалко стало, что он живёт с такой женщиной – красавец и чудовище, так бы я охарактеризовала их союз. Полная, взрослая, обременённая положением в обществе баба, одним словом – квашня. Жрала в три горла, поэтому к пятидесяти годам поджелудку посадила, вот и загремела в больницу, подарив нам с Лёвой Чехословакию.

– Вы её ненавидели?

–Лидию Андреевну? Нет. Она была вдвое старше меня. Мне в матери годилась по годам. Я её скорее боялась, сначала. Потом привыкла, этот треугольник для меня стал естественным делом. До Лёвы у меня даже и парня то не было. Как будто для него себя берегла. Поэтому я не знала, что такое право быть единственной для мужчины. Мне было достаточно, что он любил только меня. Он любил каждый мой

пальчик так, словно это была я по отдельности. Даже страшно такую любовь представить, если не знать человека. Ну, а дальше, мне Лидию Андреевну стало жалко. Наверное, это ужасно осознавать, что ты купил любовь человека.

Признаться, даже мне вскружила голову такая жизнь. В Чехословакию я приехала Алей, а уехала Элеонорой. В гостинице, в которой жила наша делегация, были журналы, в одном из них была статья про Элеонору Рузвельт, жена американского президента. Я не знаю, про что была эта статья, но фотокарточка молодой Элеоноры произвела на меня впечатление, с тех пор я Элеонора, а не Аля, – улыбнулась Элеонора Арсентьевна, – для солидности. Думаю, псевдоним мне помогал не только играть роль, но и строить иллюзию. Я начала верить в несуществующий мир. Мне казалось, что всё это было нашим. Отчасти это было так. Больше всего времени Лёва проводил на работе. Ночевал дома, покой находил у меня.

– И как вас не поймали, – с неким волнением спросила Марина Ивановна.

– Я тоже переживала, боялась, что всё вскроется, будут неприятности и у меня, а главное у Лёвы. Отец Лидии Андреевны попросил оформить меня. Проверка была, но, похоже, копать глубоко не стали, так бы выяснили, что мы никакая вовсе не родня. А может, и знали, да только не сказали, держали компромат на Лёву, на всякий случай, и все дела. Тесть был членом политбюро. Много дверей открывалось.

Оттуда я вернулась не только Элеонорой, но и директором новой школы в Свердловске. Больше мы с Лёвой не расставались.

Операция прошла хорошо, а наше знакомство с Лидией Андреевной ещё лучше. К себе она меня не подпускала, а я и сама сторонилась. Правда, пару раз я была у них, нужно было отработать легенду родства. С Лёвой мы стали видеться чаще, я была счастлива. Пустоту между нашими встречами я заполняла работой, быть директором школы – это, знаете ли. Хотя, что я вам рассказываю, вы прекрасно понимаете.

Я сама не заметила, как я стала превращаться в Лидию Андреевну – властная, волевая, независимая. На нашей любви с Лёвой это никак не сказывалось, сами не заметили, как прошло ещё десять лет.

Я никогда не спрашивала у Лёвы, почему у них не было детей. Возможно, тесть запрещал дочери, испытывал Лёву на прочность – достоин ли он был войти в их семью полноценно. А потом, наверное, уже не получалось – время ушло. Я себя поймала на этой мысли, когда время подходило к сорока годам. Лёва даже слышать не хотел про ребёнка. Его как раз в Москву переводили. Скандал с внебрачным ребёнком поставил бы крест на Лёвиной карьере. Тесть уже был стар, но продолжал работать. А Лёва всё ещё оставался всего лишь зятем Горонкова. Москва – была Лёвиной мечтой. Я сама понимала, что другого шанса не будет. Так и оказалось.

Лёву перевели в Москву, назначили на высокую долж-

ность, а через год отца Лидии Андреевны не стало. Когда я забеременела, мне было уже 37.

Глава шестая

– Лёва, мне уже 37 лет, скорее всего я больше не смогу забеременеть. Аборт это большой риск! Как ты не понимаешь? – Але хотелось плакать.

– Алечка, это ты не понимаешь! – вспыхнул Лев Аркадьевич, – сейчас не время!

– А когда будет время?

– Дай мне ещё пару лет! Мне нужно основательно закрепиться!

– Лёвушка! Пару лет? Не будет подходящего времени – никогда! Раньше ты боялся, что жена узнает, потом ты боялся, что Горонков тебя потопит, теперь ты снова кого-то боишься! А я ведь не прошу от тебя, чтобы ты признавал нашего ребёнка официально.

– И сколько ты будешь прятаться? Что подумает коллектив?

– Да, придётся уволиться. Если понадобится, устроишь меня на новую работу после рождения ребёнка. Лёва, мы ведь не бедные люди, даже одна я смогу позаботиться о ребёнке!

– Аля! Пару лет! Ты же знаешь, что меня исключат из партии, если узнают! А узнают обязательно! Они только и ждут, когда я оступлюсь. Я останусь на обочине. Мы потеряем всё! Я всё ещё зять Горонкова! Его товарищи захотят проучить

меня. Я даже не берусь думать, что будет потом с Лидой.

– Ты боишься её огорчить? Она тебе не захотела родить детей, а ты всё ещё продолжаешь бояться её! – слёзы хлынули на бархатную кожу Алевтины.

– Не её! Её фамилию боюсь! Она захочет отомстить и тебе и мне.

– Лёвушка, я смогу работать простым учителем, я даже готова уехать в деревню, я в детстве мечтала учить сельских мальчишек. Ты найдешь себе работу, всё будет хорошо.

– Если только зарабатывать извозом на Волге, только думаю, у меня и Волгу отнимут. Мне закроют все двери, Алечка!

Алевтина смотрела на своего любимого и самого близкого человека, испытывая злость, отвращение и любовь в то же время. Больше всего она ненавидела себя в эту минуту, ведь в душе она соглашалась с ним, и понимала, что Лев Аркадьевич прав. Алевтина не хотела ничего терять, она давным-давно привилась к этой теневой ветви власти, это параллельный мир, который создан для любовниц, друзей, родственников и прочих протеже власть предержащих. Сейчас Алевтина пыталась найти в этом человеке того, молодого человека, который когда-то казался ей выше любых человеческих слабостей. Но она – она же женщина, мать, как она могла поддаться на мирские соблазны.

– Лёвушка, но как мы себя простим?

– Ничего! Переживём, – с волнением в голосе произнёс

Лев Аркадьевич, – о нашей связи может быть известно. Лучше этого не делать в Москве!

– Может в Свердловске?

– Нет, нет! Это ещё хуже! Там тебя половина города знает! Сплетни ещё быстрее расползутся. А что если уехать в Целиноград? – словно, обрадовавшись, спросил сам себя Лев Аркадьевич, – да! Именно в Целиноград, решено, Алевтина!

Целиноград Алевтине показался глухой глубокой провинцией, даже не смотря на то, что он расстроился за те годы, которые Алевтина провела в Свердловске и Москве. Целиноград был для Алевтины самым счастливым местом во временном пространстве её жизни. Тут она обрела свою первую и единственную любовь, помноженную на юные студенческие годы.

Ностальгия по молодости и груз предстоящей утраты висел на душе неподъемной ношей у Алевтины. Она не желала ни одного дня проводить в Целинограде, хотя желание пройти по местам своей молодости было нестерпимым. Сегодняшняя Алевтина не должна была вносить проблемы в это счастливое место той юной Алевтины. Алевтина купила билет на автобусный рейс на 13:40 и отправилась на свою малую родину.

Отец Алевтины умер несколько лет назад, когда она ещё жила в Свердловске. Но из-за зимних буранов, которые в Казахстане дуют так, что света белого не видно, она не смогла приехать и проститься. Поэтому встретить её никто не мог

на той развилке, где когда-то двадцать лет назад отец проводил Алевтину на учёбу. Алевтина вышла на том же месте. Картина с провожающим отцом стояла в её глазах, как будто это было вчера. Всё тот же тёплый ветер ласкающим дуновением обволакивал Алевтину, нежно путаясь играючи в её волосах. Ковыль всё также переливался волнами, скрывая в своих толщах кузнечиком, неутомимо играющих на своих невидимых скрипочках. Всё было так же, как двадцать лет назад только не было папы. Сухой колючий ком подкатил к горлу.

Бросив посреди дороги свой чемодан, Алевтина бросилась в траву, прижавшись лицом к земле, обильно поливая её своими горькими слезами. В этот миг Алевтине показалось всё каким-то незначимым. Москва, партия, интриги, квартиры, подарки – всё казалось таким незначительным; словно дурной сон играл глупую шутку с сознанием Алевтины.

Потеряв силы для морального сопротивления гнетущим её душу чувствам, Алевтина уснула. Ей снилась мама. Как мама плакала на её кровати, в день отъезда на учёбу. И даже во сне, её слёзы не останавливаясь, текли из закрытых глаз.

– Эй, дурёха! Тебе плохо? – мужской голос разбудил Алевтину.

– Извините! Мне в Киселёвку нужно, вы куда едете? – спросонок вскочила Алевтина, вытирая лицо платком.

– Алька! Ты что ли? – спросил мужчина.

– Толька! – обрадовалась Алевтина, бросившись на грудь

брата, – какой ты стал! Не узнать тебя! Мужчина. На папку становишься похожим.

– Так ты ещё чаще приезжай, может, и начнёшь узнавать, с иронией сказал Толька, – садись в машину.

– Ты откуда? – спросила Алевтина.

– На элеватор ездил, в Атбасар.

– А ты каким ветром? Вот мать то обрадуется.

– Мама... Как она?

– Да, как обычно, – без сантиментов ответил Толька, – постарела только. Тяжело ей уже одной дома по хозяйству. Но ничего, где я забегу, чем подсоблю, где Нинка зайдёт, поможет. Я мамку к себе зову, и Нинка не против, но она не хочет. Говорит: «с папкой этот дом строили, в нём и помирать буду».

Снова ком подступил к горлу Алевтины, который никак не удавалось протолкнуть.

– А твои детки как? У тебя их двое? – сменила тему Алевтина.

– Эх ты, тётка ещё называется. Прошлый год у меня Олежка родился, стыло быть трое.

– Трое, – многозначительно протянула Алевтина.

– А ты что? Так и ходишь в старых девах, да ещё и бездетная? – не жалеючи, но без злости спросил брат.

– Да, Толя, как видишь.

– Вижу! Вижу, что в канавах от счастья не плачут! – Анатолий посмотрел на припухшие глаза Алевтины.

– Прошло Толя счастье мимо меня. Думала ко мне, но нет – мимо!

– Стой ты себя списывать! Вот мой ЗИЛок, к примеру, всё хотят на утиль, а я его подшаманю, чтобы бегал – так им и стыдно его списать! Вот мы с ним и ездим уже так шестой год, – улыбнулся Толик, переключив со скрежетом скорость передач.

– Ну, если твой бортовик не списывают, может, и правда, и у меня шанс есть.

– Ты чего там? Из-за него что ли? – брат посмотрел на Алевтину, но она ничего не ответила.

– Надолго? – Толик сменил тему.

– Хотелось бы погостить у вас. Пока не загадывала.

– Правильно, что приехала. Ты когда последний раз была? Я даже не припомню.

– А я то, Толечка, один раз и была, как уехала. Перед переездом в Свердловск, приезжала к вам. Тогда тебя и в армию проводили.

– Э, мать, так столько лет уже прошло.

– Да, Толечка много. Жалею, что уехала. И ты вырос без меня, и детки твои растут, а их даже не вижу, и своих не заимела, – слёзы хлынули из глаз Алевтины, – папку даже не проводила, – задыхаясь, выдавила из себя Алевтина.

– Ну! Хватит! Ты чего! – Толька остановил машину и прижал к себе Алевтину, – хватит. Чего теперь себя корить! Приехала и молодец! – успокаивал её Толька, глядя по голо-

ве, как успокаивал своих ребяташек.

– У тебя ещё всё впереди! Чего, говорю, списываешь себя раньше времени? Тебе сорока нет, ещё троих успеешь нарожать!

– Зря я уехала, маму не послушала. Надо было остаться. Толя, я и вернуться не смогла, хоть и обещала, – опять в слёзы ударилась Аля.

– Алька! – специально рассердился Толик, – честное слово, сейчас высажу, пешком пойдешь! Хватит мне тут реки лить! Лучше скажи, подарок хоть матери, привезла какой? – Толька обрадовался, что нашёл тему, чем отвлечь Алевтину.

– Везу, Толечка, – тоже вдруг обрадовалась Аля, – всем везу. И Маме, и Ниночке твоей, ребяташкам везу, только третьему ничего не купила, но обязательно куплю на месте. Толька и тебе везу, костюм импортный спортивный. Я его ещё в прошлом году в ГДР купила! Полный чемодан, всё вам мои хорошие, – кинулась на шею брату Алевтина, чуть не сбив руки с руля.

– Вот и хорошо! Вот это хорошо, сестра! Вот Нинка то обрадуется подарку городскому.

– Что ты, Толя! Ниночке духи французские, помады и блузку финскую везу! – радовалась Аля, что хотя бы так сможет загладить вину своего отсутствия.

– Врёшь, Алька! – не верил Толька, – Нинка с ума сойдет.

– Не вру, братик, не вру родненький, еле чемодан закрыла, всё вам!

Аля была на седьмом небе от счастья, что доставляла столько радости своими подарками. Лишь эта мысль и грела её изнутри.

Подъезжая к своему дому, сердце Алевтины забилося так, словно, она бежала всю дорогу за машиной. Она уже хотела просить брата остановиться – отдышаться, но заприметив машину сына, на крыльцо вышла мама.

– Мамочка, – Алевтина кинулась к маме, – миленькая моя, мамочка, – рыдала Алевтина, – прости меня, прости меня, голубушка ты моя, прости, что бросила вас, прости меня, мамочка!

– Алька, мать напугаешь! – стерев слезу, просипел Толька.

– Ничего, сынок, ничего, – мать вытерла слёзы, чуть придя в себя, – счастье-то какое, Алечка, доченька! Толик, – мать улыбнулась сыну, – а мне и слова не сказал, что поехал Алевтину встречать.

– Да я сам не знал, мам! – оправдываясь, ответил Толька.

– Толик не знал, мамочка! По дороге встретились, я без предупреждения! Мамочка, родная моя! – Алевтина не выпускала маму из своих объятий, расцеловывая её морщинистые щёки.

Глава седьмая

– Давайте, Марина Ивановна на ну лавочку сядем, погреемся на солнышке, – предложила Элеонора Арсентьевна, прогуливаясь по парку.

– Да, хорошая погода стоит, благодать какая! И место, какое хорошее, – восхитилась Марина Ивановна.

– Очень хорошее, – выдержав паузу, многозначительно произнесла Элеонора Арсентьевна.

– Что потом было? – вежливо спросила Марина Ивановна, понимая, что Элеонора Арсентьевна желает продолжить разговор, – решились?

– Все мои мысли были заняты двумя вопросами – мои родные и мой не родившийся ребёнок. Моя кровать так и осталась нетронутой, мама ждала, что я вернусь. Лишь изредка на ней спали мои племянники, когда ночевали у бабушки. Мама ждала, что я вернусь, если не получится поступить, потом ждала, что я вернусь, когда окончила институт. Потом уже ждала по привычке. А я всё не возвращалась, – с горечью в глазах, улыбнулась Элеонора Арсентьевна. – Более всего было понимать, что мама стареет. Разница на лице слишком очевидна, когда приезжаешь реже, чем раз в десять лет. Когда я уезжала, меня провожала женщина, полная сил, а когда я приехала, меня встретила мама, накинувшая возраст, словно пуховый платок. Её руки, шея, лицо стано-

вились старше, не хочу говорить старее, – Элеонора Арсентьевна снова посмотрела на свои старые руки. – Всю ночь я думала, что мне делать! Главное я поняла одно, аборта не будет! Решение поехать домой, к родным, было самым правильным! Только среди родных я поняла, что такое семья по-настоящему.

Долго оставаться мне было нельзя. О своей беременности я так и не сказала, ни маме, ни брату. Сказала, что приехала в отпуск, а через месяц я вернулась в Москву, но Лёве я не позвонила. Я решила родить и сдать ребёнка в дом малютки. Не могла я подвести Лёву, и без него я тоже не могла. Нужно было родить и остаться при мамке! Глупая безмозглая старуха! Не жизнь, а одна ошибка! Но я больше никогда не пропала. Почти каждый год к ним ездила, пока мама была жива. Толькиных ребятишек выучила. Наташеньку и Мишутку, в Свердловске выучила. Наташенька педагогический окончила, как тётя, но вернулась домой, к матери, к Нине. Сейчас так и учит сельских ребят, молодец, мою мечту осуществила. Мишутка Горный окончил, и тоже вернулся домой. Сейчас директором работает, рудник там у них рядом, все при месте. А младший, Олежка, учился в Целинограде, так там и остался. В органах работает, молодец. Но ему Лёвушка помог, трудно было туда попасть.

Лёва думал, что я сделала аборт в Целинограде и поехала домой. Отдохнуть от этого всего. Он согласился. Иногда я ему звонила, он думал, что я по межгороду, а я из Москвы.

Так я и доносила малыша, в Москве. Родила Москвича. Месяц он у меня был, а потом сдала. Чтобы маленько окреп, молоко матери ничем не заменить. Плакала. Несла и плакала.

С заведующим договорилась, чтобы никому не отдавал. Решила, что выдержу паузу, пройдет время, как Лёва и обещал, пару лет, а я ему ребёночка, вот, мол, готовенький, наш то ребёночек. Ездил к нему, каждый месяц. На руках подержу и так хорошо на душе, как будто и не отдала. Заведующий сказал, что нельзя часто ездить, а я не могу реже – тянет. Тогда он запретил подолгу находиться, говорит, десять минут и достаточно. Сложнее стало после двух годиков, уже начал понимать – узнавать. Мамой не звал, но радовался, чувствовал меня. Говорят, дети всё понимают!

– Это правда, Элеонора Арсентьевна, – вдруг высказалась Марина Ивановна, – дети всё понимают, по Васильку своему могу сказать.

– Ну, вот! Наконец-то! Уже неделю как вместе живём, хоть что-то из вас выудила!

– Так я ничего не скрываю, – улыбнулась застенчиво Марина Ивановна, – вас внимательно слушаю, о себе успею рассказать, моя история скромная.

– Вот и радуйтесь ей. А то чем слаще жизнь в молодости, тем горше в старости. Лёва был прав. Через пару лет он окреп и встал на ноги, наконец-то. Уже не оглядывался на тень Горонкова, а стал сам, настоящим львом – Львом Аркадьевичем. Сослуживцы Горонкова были таким же старика-

ми. Кто-то умер, кто на пенсию ушел, одним словом, дорогу дали молодым, и Лёва этот шанс не упустил. Так получилось, что в этот водоворот событий, и меня утянул.

Лидия Андреевна, стала понимать, что у Лёвы кто-то есть. Пыталась устроить ему скандал, но быстро поняла, что время её семьи ушло, не осталось заступников, и ей ничего не оставалось, как смириться с этим, чтобы не остаться одной под старости лет. Мы всё чаще стали появляться с Лёвой вместе. Потом она догадалась – какая я родня, но ничего не поделала, промолчала; начала выпивать.

Лёва брал меня во все командировки с собой. Я объездила весь Союз. В заграничные поездки тоже брал. Устроил к себе работать, вот так я стала министершей, теневой, – выделила Элеонора Арсентьевна. – Но меня это несколько не смущало.

Год пролетел незаметно. Однажды, меня словно токомшибануло. Гляжу на календарь и не могу вспомнить, когда последний раз была в детском доме, а мы как раз в поездке с Лёвой в Будапеште. Что делать? Мама дорогая! Я еле дождалась завершения поездки. Какие только мысли меня не посещали. Боялась, что ребёнка уже отдали. Что мог заведующий, Евгений Иванович, уйти на пенсию или ещё что. Лёва видит, что со мной что-то не так, а что не понимает. Спрашивает, а я сказать не могу! Признаться? А вдруг ребёнка уже забрали?! Ой, что со мной творилось, даже вспоминать не хочется. С самолёта сразу туда. На месте ребёнок. Я так и рухнула там. Евгений Иванович не хотел меня пускать к

ребёнку. Но я его упросила. Пообещала, что в течение месяца поговорю с отцом. Он разрешил нам встретиться. Представляете, Марина Ивановна, он меня узнал, лопотать уже начал, – Элеонора Арсентьевна заплакала.

Глава восьмая

– Тётя, вы за мной приехали? – малыш спросил детским голосочком, только переступив порог кабинета заведующего.

Взгляд Евгения Ивановича был сродни удару молнии, такой же яркий и безжалостный. Но даже он, человек, привыкший жить среди детской горечи, не смог побороть своих чувств. Даже он, чужой человек, содрогнулся перед детской любовью и ожидания ребёнка матери.

– Элеонора Арсентьевна, я вас оставлю, – сухим, даже немного жестким тоном сказал Евгений Иванович, – сегодня в вашем распоряжении столько времени, сколько вам потребуется. Только вы должны понимать, что дальше так продолжаться не может. Это живой человек, а не игрушка с механизмом вместо сердца!

– Месяц!

Евгений Иванович отпустил руку малыша и закрыл за собой двери.

До мамы было всего пару шагов, но малыш бросился к ней так, как бросаются на встречу самому сокровенному, самому заветному. Он знал – это мама! Ведь только мама может быть такой красивой!

Элеонора Арсентьевна обняв малыша, посадила его к себе на колени, прижавшись щекой, к шёлковым волосам ма-

лыша. Она почувствовала, как бьется это крохотное сердечко и как сильно обнимают её эти маленькие ручки, боясь отпустить маму снова.

Она судорожно думала, что делать. Прямо сейчас, было в её силах взять ребёнка и поехать к себе домой, наполнить его радостью детского смеха.

– Но что она скажет Лёве? – подумала она, – как мне признаться ему? Почему я не созналась в поездке; сейчас было бы проще принять решение. А что же скажут мои родные? Мама? Брат? Почему я не сказал им за три года, что у меня есть ребёнок? Как объяснить эту ситуацию? Сказать им, что ребёнок приёмный? Но как жить с этой ложью? А что, если Лёва бросит? Плевать! Нет. Он не бросит! Ведь он так сильно любит меня! Нужно время! Да, месяц! Всего лишь какой-то месяц! Малыш забудет об этом в считанные часы, как только мы приедем! Да, именно! Вместе! С папой! Мы его заберем с папой! Ведь комната не готова. Ничего не готово! А у ребёнка должна быть своя комната. В конце концов, нужно купить одежды, детское питание, опять же. Приедем с подарками и угощением, чтобы другим деткам не было так грустно.

Поцеловав малыша в макушку, Элеонора Арсентьевна поставила малыша на пол, и вышла из кабинета.

Малыш решил, что мама пошла собирать его вещи и сейчас вернётся за ним. По привычке, как делают все дети, малыш подбежал к окну, и случайно увидел, как мама спешит к калитке. От страха, что мама его забыла, малыш начал ле-

гонько стучать ладошкой по стеклу. Он хотел стучать громко, но боялся, что мама решит, что он балованный и тем более не вернется! Нет, мама не может забыть, сейчас вернется! Детская ладошка прилипла к стеклу и готова была растопить его своим жаром. Слезы безжалостно начали заливать глазки малыша. Адская боль, словно огромный грязный дикобраз, вероломно влезла в крохотное сердечко этого прелестного малыша. Он не мог произнести ни единого звука, и лишь только розовые пухлые губки немо повторяли слово «мама». Ведь он так прилежно себя вёл! Чем успел огорчить маму? Чем успел обидеть? Если бы только она знала, случись так, что у неё в это мгновение заболели бы сразу все зубы, самой нестерпимой болью, – то даже эта боль не была бы половиной той боли, которую сейчас испытывал малыш.

Алевтина остановилась... Она чувствовала взгляд малыша... Запах его волос, всё ещё стоял у неё в носу. Она понимала, если она сейчас обернется, то уже уйдет отсюда вместе с ним...

Железная калитка закрылась за мамой стукнув так, будто она ударила по пальчикам малыша. Он вздрогнул и осел в комочек. Чёрно-белые мысли малыша, словно рой беспощадных злобных дикий пчёл, жалили детский разум малыша, не давая понять, почему мама его забыла.

Глава девятая

– Я не вернулась, ни через месяц, ни через год! Не спрашивай почему! – просипела хриплым голосом Элеонора Арсентьевна, – что скажешь, Марина Ивановна, презираешь?

Марина Ивановна посмотрела на Элеонору Арсентьевну взглядом, далёким от осуждения. Марина Ивановна была преисполнена состраданием и жалости к этой женщине.

– Даже самое мерзкое животное не бросит своего малыша, а я смогла, – голосом полным ненависти самой к себе, стиснув зубы, произнесла Элеонора Арсентьевна.

– Я знаю, как вы могли страдать, – Марина Ивановна под села к Элеоноре Арсентьевна на кровать, – но пусть вас утешит мысль, что своим несчастьем вы осчастливили какую-то семью, усыновившую вашего ребёнка. Ведь я сама прошла через это, усыновив чужого малыша. Я не могла иметь детей, но благодаря неизвестной женщине, я обрела счастье называться мамой.

– Вы оправдываете мой поступок?

– Нет! Но я не берусь вас судить.

– Я сама себя осудила! Каждый день себя сужу. Недаром болячка прицепилась, – тяжело вдохнув, Элеонора Арсентьевна повалилась на подушку, – расскажите мне.

– Я даже не знаю, что вам рассказать, – смущенно заулыбалась Марина Ивановна.

– Вы сказали, что ребёнка усыновили? Мальчик?

– Да, мальчик! Василёк!

– А! Ну да! Вы же говорили.

– Мой Петя всегда хотел детей, с первых дней, как мы начали встречаться, он говорил, что мечтает о большой семье. Но, своих детей нам не суждено было иметь. Мы прожили лет пять, прежде, чем решили ребёнка усыновить. Петя предложил. Вначале я растерялась, не могла свыкнуться с мыслью – как это чужого ребёнка взять. Нас у мамы было шесть ртов, и все свои. А тут чужой. Потом-то я поняла, что чужих детей не бывает, но когда Петя предложил ребёнка взять – я растерялась. Наверное, так и не решилась бы, но стыдно было перед мужем. И детей не могу ему родить, и брать отказываюсь. Он девочку хотел, говорил, что мне помощница будет на старости лет, а вышло на оборот. В одном доме отказали, во втором детки по возрасту не подходили, либо слишком маленькие, либо уже взрослые. Обычно как – хотят, чтобы ребёнок уже подросток был, но чтобы ничего не запомнил. Года два ездили, я уже отчаялась, а Петя верил. Только из-за Пети я не отступала, видела, как это ему важно. Ну, а потом, нас направили в один детский дом, сказали, что там много девочек-отказниц. Я уже была готова взять грудничка. Нас встретила заведующая, на улице. Много говорила, рассказывала что-то, я даже сейчас уже и не помню про что. С ней больше Петя говорил. А она всё ко мне обращивалась, и говорила: «мама должна будет», «маме следу-

ет». Думаю, она понимала, что папа больше заинтересован, но тогда именно она пробудила во мне желание называться мамой. До неё меня ещё никто так не называл, то есть как о свершившемся факте.

Я на что-то отвлеклась, гляжу, а Петя с заведующей уже вошли в здание, ну, я следом, за ними. Вошла, а их нет, пошла по коридорам, и тут, откуда он только взялся, выскочил мальчик, увидел меня, да как закричит: – «мама»! Да так громко, так звонко. А глаза синие, синие, как васильки. Подбежал, обнял меня и не отпускает! Так с ним я и вошла в кабинет заведующей! – улыбнулась Марина Ивановна, промокнув слёзы платочком, – домой мы вернулись втроем.

– Привыкли?

– Сразу! Жизнь наполнилась смыслом. Раньше много раз приходилось слышать, что трудно привыкнуть к чужому ребёнку, но это не так. Даже к котёнку привыкаешь – любишь, а как ребёночка не полюбить?! Через месяц мы даже и не думали, что это не наша кровь, он был нашим ребёнком всецело! И Василёк привык сразу. Только боялся, что я его верну обратно, всё спрашивал перед сном: – «Я с тобой проснусь или с детками?», боялся, что я его во сне сдам обратно. И так, почти до самой школы, каждый день! Разумеется, Вася понимал, что мы приёмные родители, раз не смог забыть детский дом. Но мне кажется, что по этой причине он ещё сильнее нас любил, словно ещё и благодаря. Поэтому мы никогда не скрывали, но и не обсуждали. Нечего было обсуждать, он

наш, а мы его – и точка! В классе восьмом, наверное, спросил кто его родная мать. Я не знала, если бы знала, обязательно сказала, честное слово, но не знали мы ничего. Думаю, Вася имел право знать кто его мать. Теперь уже и говорить не о ком, померла, скорее всего.

– А муж ваш что?

– Счастливее папаши, чем Петя, сложно было отыскать! Везде с собой брал Василька, что вы, такие друзья – не разлей вода! Возьмёт его маленьким на ручки, прижмёт к себе, в глазу только слеза блеснёт! А порой мне на ухо шепнёт, говорит: – «Мать, а может где у Василька сестрёнка есть?», уж так сильно его любил, всё для него. А уж, когда внуков дождался – словами не передать. Перед смертью, за пару дней, словно чувствовал, что уйдёт, сказал: – «Мать, спасибо тебе за сына!». Вот так и прожили, а то на старость лет сидели бы, как два перста, а так сколько радости! Ой, извините, Аля, я наверное, лишне хвалюсь?

– Ничего! Мне приятно слышать вашу историю, как будто вашим счастьем напиталась, даже легче стало.

– Почему вы не вернулись через месяц? – Марина Ивановна спросила так, словно требовала ответа. Она спросила не ради своего любопытства, Марина Ивановна понимала, что это нужно Элеоноре Арсентьевне, как нужна исповедь томимому человеку.

– Я стала ждать подходящего момента, всё рассказать Лёве, а этого момента всё никак не было. Такая работа, сами

понимаете, а время шло. Однажды, ночью раздался телефонный звонок, позвонила Лидия Андреевна и потребовала Лёву к телефону. Его у меня не было, я так и ответила; добавила чего ради, он должен быть у меня. Она, разумеется, не поверила мне и требовала Лёву к телефону. Сказала, что ей всё известно про нас. Я растерялась и бросила трубку. В ту ночь её было плохо, до своего врача не могла дозвониться. Каким-то образом она нашла Лёву, всё-таки дочь своего отца, – с небольшим ехидством улыбнулась Элеонора Арсентьевна.

– В командировку, что ли уехал?

– Нет, Марина Ивановна, никуда он не уехал. У своей профурсетки был. Подцепил двадцатилетнюю ассистентшу, или она его! И похаживал к ней. Вот тогда-то мне и отлились слёзки Лидии Андреевны. Лидия Андреевна была словно каменный монолит, столько лет знала про наш роман и держалась, а я – куда мне! Будто землю выбили из под ног.

– Ну, вы хоть с ним объяснились?

– А что толку? Я даже ему женой не была. Он так и заявил, что не желает передо мной отчитываться, перед Лидией Андреевной не собирается, а я – тем более.

– Но он же вас любил?!

– Любил. Когда-то! Прошла наша любовь, как оказалось. Но, что самое обидное, я его даже понимала. В своё время, моя любовь для Лёвы была тихой гаванью, в которой он прятался от Горонковых. Я была укрытием в непогоду. А моло-

дая девчонка оказалась цветком, который он сорвал после непогоды. Он уже не нуждался в моей любви. Лидия Андреевна для него была реквизитом из жизни, он сама себе был хозяином, а девчонка стала его самостоятельным выбором, которой он сделал не под давлением обстоятельств, а потому, что мог этого хотеть, не оглядываясь ни на кого.

– И вы ему не сказали?

– А как же! Сказала! Только он ещё больше разозлился и не поверил. Сказал, что я всё вру, чтобы только его удержать! Что нет никакого ребёнка и нам надо расстаться! Вот почему я не поехала за своим малышом! Потом глубочайшая депрессия! А знаете, кто меня оттуда вытащил? Не знаете! Лидия Андреевна! Даже в этом, стерва, сильнее меня была!

– Неужели?

– Да, именно! Приезжать ко мне стала. Модного психолога привозила, я даже и не знала раньше про таких докторов – вот так и вытащили меня из ямы меланхолии.

– Больше вы не виделись с Львом Аркадьевичем?

– Нет, почему? Виделись. Привычка – страшная сила. Через год где-то, он ко мне приехал. Не удивлюсь, если его Лидия Андреевна ко мне послала, – с легкой злостью сказала Элеонора Арсентьевна. – Я его уже сама не любила той любовью, что была в молодости. Она сменилась предприимчивостью и прагматичностью. Он всю жизнь делал карьеру, я тоже, старалась ничего не упускать. Когда он вернулся, наверное, молодуха ему изрядно надоела, мы попробовали снова

начать жить вместе, ну, как раньше, но уже было не то. Я стыдилась предать Лидию Андреевну, после того, что она сделала для меня, хотя ей уже было плевать на всё, а во вторых, осадок остался. Остались, как говорится, друзьями, близкими. На тот момент, уже года три как прошло, когда я решила вернуться в детский дом, но малыша моего в нём уже не было. Евгения Ивановича тоже не было, на пенсию успел уйти. Я его разыскала, заведующего то, через связи, но он не знал, сказал, что презирает меня, и не сказал бы, где ребёнок, даже если бы знал.

– Не пробовали искать малыша?

– Лёва особого интереса не проявил, думаю, так мне и не поверил, что ребёнок есть. Тогда уже почти семь лет прошло – смирилась.

– Что же было, как вы жили?

– А никак! Потом стало не интересно! Ничего уже не интересовало! Были просто будни – серые и унылые! Вышла замуж, потом его выгнала, через пару лет. Работала. Лёва помогал, когда нужна была помощь, а потом помощь и ему понадобилась – перестройка, распад Советского Союза. Пришла новая власть, новые люди, Лёва ушел из политики. Начал заниматься бизнесом, тут ему, конечно, пригодился весь его жизненный опыт, связи. Продуктами занимался, возил к нам из Европы, потом иномарками стал торговать, мебелью, ещё что-то. Денег у него стало ещё больше! Лидия Андреевна в 1993 году подала на развод и уехала в Израиль, оттуда,

вроде, в Канаду, и всё, больше мы про неё ничего не слышали. Всё, что от неё осталось – эта дача!

– Какая дача? – не поняла Марина Ивановна.

– Эта самая! Пансионат то – это бывшая дача Горонкова, да! После его смерти, дачу оставили Лидии Андреевне. Помогли, да и Лёва уже был при власти, так что... А когда разводились – делились, Лёва дачу выкупил у неё. Достроил её, вот какая красота получилась. Когда у него в бизнесе начались проблемы, он из дачи сделал гостиницу, а потом – вот, пансионат. Как оказалось, дело прибыльнее, чем гостиница! Стариков, потихоньку, богатые детки сдают в утиль, и денег не жалеют. Вот и вы тут уже месяц, а никого нет, хотя ваши глаза так и светятся от счастья, видимо, за всю жизнь зарядились то этим самым счастьем. Опять завидую, – улыbnулась Элеонора Арсентьевна. – Мы с Лёвой, стали относиться друг к другу, как старые знакомые. Уже не было тех чувств. Он ко мне хорошо относился, а я к нему. Наверное, годы унесли ту страсть. Теперь мы были свободные, но друг другу не нужные. Если бы вы только знали, сколько лет я мечтала, когда наступит это время, когда мы будем принадлежать только друг другу. Ему тогда было за семьдесят, он предложил вместе встретить новый год, сказал, что это семейный праздник. А мы ведь ни разу вместе не встречали новый год. Тогда он мне сказал, что ближе меня, у него никого в жизни не было. Разумеется, я уже давным-давно простила ту измену. Интересно, но у меня было то же самое чувство – Лёва

был единственным человеком в моей жизни, единственным и самым главным. Любовь сменилась заботой, привязанностью, привычкой, и памятью о той любви, что когда-то была между нами. Говорят, есть мышечная память, так вот у нас осталась любовная память. Это был спокойный период в нашей жизни. Лет десять мы с ним так прожили. К тому времени часть бизнеса он потерял, что смог продать – продал. И вот, мой Лёва, однажды утром сделал мне предложение! – Элеонора Арсентьевна заплакала, – представляете, Марина Ивановна! А какая с меня была невеста, мне уж самой тогда было чуть за семьдесят. Он настоял. Мы подали с Лёвой заявление, а за неделю до свадьбы Лёва скончался. Не суждено мне было стать женой этого человека, – горькая улыбка сковала лицо Элеоноры Арсентьевны, – но в молодости – это была удивительная любовь! Вот так я, Марина Ивановна, уже как одиннадцатый год одна живу, без своего Лёвы.

Глава десятая

– Опять что-то хорошее снилось, не помню. Сбылось бы, что ли, хоть раз, – сказала Элеонора Арсентьевна сразу, как только проснулась. Она смотрела в потолок, как бы мечтая о том, чего не помнит из своего сна. Она настолько привыкла к Марине Ивановне, к постоянным беседам с ней, что, даже не зная, спит Марина Ивановна или нет в этот момент, поторопилась рассказать про свой сон.

– Вы что-то сказали? – Марина Ивановна ничего не разобрала спросонок.

– А, вы спите ещё? Доброе утро! Говорю, сон хороший снился, только позабыла его.

– Ничего, так бывает. Не помнишь, не помнишь, а потом, в течение дня – вдруг вспомнится.

– Если вспомню, расскажу, – улыбнулась Элеонора Арсентьевна, – подозревая, что точно ничего не вспомнит, – а сколько, интересно, время? Что-то Даша не идёт, уже укол пора ставить.

– Восьмой час идёт.

– Рано проснулась. Вы мне должны сегодня помочь, Марина Ивановна!

– Конечно, а в чём?

– Уговорить Лёшу разрешить на завтрак яичницу-глазунью!

– Аля, ну вам же нельзя жареное!

– Да, – Элеонора Арсентьевна махнула рукой, – думаете, если я не съем яичницу сегодня, то сто лет проживу?! Условности – это всё!

– Думаю, вы правы! Пара жареных яиц не испортит вашу фигуру, – пошутила Марина Ивановна, понимая, что, к сожалению, речь идёт о серьёзном заболевании.

– Ну, вот теперь он точно не отвертится, – оценив шутку, улыбнулась Элеонора Арсентьевна.

– Я у вас всё хочу спросить – вы отзываетесь об Алексее Сергеевиче, как о...

– Как о близком человеке? – перебила Элеонора Арсентьевна.

– Да. Вы уже тут сблизились?

– Лёшу я знаю давно, с его студенческих лет. Он был лечащим врачом Лидии Андреевны, до того, как она уехала. “Партия” его направила стажироваться за границу в конце восьмидесятых, для себя. Партийная элита так делала, выбирали на курсе лучших, стажировали их за границей, и за собой потом закрепляли. Лёва его нашёл. Лидии Андреевне уход нужен был, ну, и нас лечил. Так и стал своим. Это Алексей, кстати, и предложил Лёве открыть пансионат, когда с гостиницей дела не пошли. Лёва согласился, и не прогадал. Лёшу в компаньоны взял, а дальше вы всё знаете. Когда, я уже не могла сама справляться, Лёша меня позвал сюда, тут и уход нужный, и лечение. Не знаю, как бы я без Лёши об-

ходила. Он мне как родной, правда, чуть старше..., – не досказала Элеонора Арсентьевна, имея ввиду своего сына.

Весь день Элеонора Арсентьевна была в хорошем расположении духа, и весь день повторяла, что её весёлость ни к добру, сплёвывала, боясь сглазить. Её уставшее от жизненного темпа тело, так наполнилось энергией, что Элеонора Арсентьевна решила проигнорировать сон час и провести это время на свежем воздухе, увлекая за собой Марину Ивановну, которая к этому времени была не прочь подремать.

– Точно! Всё дело в яичнице, это она дала мне заряд на сегодня! – вернувшись с прогулки, шутили подружки. – Марина Ивановна, если вам не нужна ванная комната, то я бы приняла ванну, так хочется понежиться, и я буду самой счастливой старухой сегодня.

– Давайте, я позову Дашу, поможет вам?

– Нет, не стоит! Я же не совсем беспомощная. Стульчик поставлю, – отмахнулась Элеонора Арсентьевна и зашла в ванную.

Когда ванна наполнилась, и Элеонора Арсентьевна выключила воду, она услышала голоса, доносившиеся из комнаты. Как ни старалась расслышать и узнать голоса, у Элеоноры Арсентьевны никак не получалось. Ей казался то голос медсестры Даши, то голос неизвестного мужчины перемешивался с голосом Алексея Сергеевича, то радостный смех Марины Ивановны будоражил её воображение. Не справившись с любопытством, Элеонора Арсентьевна ускоренно за-

кончила свои водные процедуры и поспешила выйти в комнату, забеспокоившись о своем самочувствии – уж не кажутся ли ей эти голоса.

Первым, что почувствовала Элеонора Арсентьевна, выйдя из ванной комнаты, был запах мужского одеколона, наполнявший комнату. На обеденном столе лежала огромная коробка конфет, фруктовница с финиками и фруктами, и ваза с огромным букетом цветов, за которым скрывался силуэт незнакомца. Элеонора Арсентьевна только успела бросить взгляд на сияющую от счастья Марину Ивановну, как мужчина тут же встал и подошёл к ней.

– Здравствуйте, меня зовут..., – мужчина не успел представиться.

– Лёва, – протянула Элеонора Арсентьевна, подкашивая ноги.

Гость успел подхватить осевшую старушку и уложил её на кровать.

– Алексея Сергеевича, скорее! – попросила Марина Ивановна.

Через минуту в комнату вбежал Алексей Сергеевич, готовя укол на ходу.

– Ничего, ничего – всё будет хорошо! – осмотрев Элеонору Арсентьевну, Алексей Сергеевич ввёл лекарство.

– Давление, наверное, подскочило, – словно, рассуждая вслух, сказала Марина Ивановна.

– Да, нет! Старая «знакомая» даёт о себе знать, – Алексей

Сергеевич намекнул на прогрессирующую болезнь.

Элеонора Арсентьевна открыла глаза и остановила взгляд на незнакомце, внимательно его рассматривая.

– Должно быть ваш сын? – тихо спросила Элеонора Арсентьевна.

– Мой Василёк, – Марина Ивановна обрадовалась, что Элеонора Арсентьевна пришла в себя.

– Вы простите меня, напугала вас. Всё в порядке, сейчас отпустит, – Леша ступай, спасибо тебе!

– Хорошо, чуть попозже зайду, – согласился Алексей Сергеевич.

– Я тоже выйду! – предложил Василий, – вам нужен покой.

– Нет, нет! – словно отдавая приказ, сказала Элеонора Арсентьевна, – вашей маме радостно, и мне приятно послушать. К нам ведь гостей не дожидаться.

– Хороший гость, вон как вас напугал! – пошутил, оправдываясь Василий.

– Ну, что вы! Я не из робкого десятка! Меня так просто не напугать, – улыбнулась Элеонора Арсентьевна, – переутомилась. А ведь ваша мама меня предупреждала. Да, я и сама знала, что не к добру такое веселье на меня сегодня свалилось. Ну, теперь я в полном порядке. Будем чай пить с вашими конфетами? – сменив тему, Элеонора Арсентьевна захотела встать, чтобы включить чайник.

– Нет, прошу вас, мама и тебя, не беспокойтесь, я сам заварю чай! Только выйду на минуту, – включив чайник, Васи-

лий вышел из палаты.

– Вредная старуха! В такой радостный день всё внимание на себя отвлекла.

– Аля, ну о чём вы говорите! Даже не шутите так! Вы так побледнели, словно, приведение увидели! Благо, всё позади!

– За вами приехал?

– Да, – как будто смущаясь, ответила Марина Ивановна, – только вот, Алексей Сергеевич рекомендует ещё побыть дней десять, последний курс терапии нужно закончить.

– Вот и хорошо, мне веселее будет.

– А вот и я! Прошу прощения, дамы! Кажется, вскипел. Пора чай пить. Не вставайте, я вам подам, – предложил Василий, – заметив, что Элеонора Арсентьевна собралась встать.

– Ничего, не переживайте, я в состоянии подойти к столу. Ваша мама сказала, что вы были в теплых странах, как там? – спросила Элеонора Арсентьевна, пододвигая чашку чая к себе.

– Очень тепло, даже жарко. Жалко, что мама не смогла приехать, но, думаю, перенести такую жару взрослым людям не просто.

– Нет, нет! Какой с меня путешественник, – отмахнулась Марина Ивановна.

– Мама сказала, что вы любезно согласились её принять к себе, – улыбнулся Василий, заметив, что Элеонора Арсентьевна пристально рассматривает его.

– Общение с вашей мамой мне в радость была, – Элеонора

Арсентьевна отвела взгляд, словно, пойманный воришка.

– Я бы хотела к вам приезжать, Элеонора Арсентьевна? – спросила разрешения Марина Ивановна.

– Не нужно меня жалеть, – сказала Элеонора Арсентьевна, снова рассматривая гостя.

– Разве это из жалости? Мне очень приятно наше знакомство! Думаю, если вы к нам соберетесь, когда-нибудь, мы будем только рады!

– Ну, разумеется! – поддержал Василий.

– Не будем загадывать! – покорно произнесла Элеонора Арсентьевна, сделав глоток ароматного зелёного чая.

В следующие дни Элеонора Арсентьевна сильно переменялась в настроении. Порой пребывала в таком расположении духа, словно это была не престарелая женщина, а молодая гимназистка. Её остроумные шутки и весёлые истории никого не оставляли равнодушными в такие моменты. И, буквально, через час, такое настроение могло смениться на состояние полной невыносимости. Шутки сменялись едкими подколками и несдержанными замечаниями, от которых добродушному персоналу хотелось толи взвыть, толи заплакать. И только Марина Ивановна не попадала под удар этого несносного настроения.

Марина Ивановна чувствовала себя неловко и в тоже время виноватой. Ей казалось, что за это время Элеонора Арсентьевна успела к ней привыкнуть и ощущает себя брошенной. Отчасти это было правдой. Элеонора Арсентьевна от-

рицала эти предположения, и пыталась успокоить волнения Марины Ивановны на этот счёт. Тем не менее, по персоналу поползли предположения иного характера.

В день отъезда Марины Ивановны, Элеонора Арсентьевна проснулась рано, если вообще можно сказать, что она спала. Из приоткрытой форточки доносились лесные звуки – песенка сверчка, успокаивающая воспалённые нервы, трель сонной птички, пытавшейся снова погрузить в сон и скрип сухого дерева, перечеркивающий старания сверчка. Воробьиная свора, затеяв драку из-за черствого сухарика, окончательно пробудили старушку.

– Уже не спите? – не выдержала Элеонора Арсентьевна, намеренно будя Марину Ивановну.

– Да, уже пора вставать, – отходя ото сна, Марина Ивановна улыбнулась уловке приятельницы, – который час?

– О! – удивилась Элеонора Арсентьевна, – так время то – восьмой час, только шесть было. Видать, задремала-таки.

– Тук – тук, – Дарья приоткрыла двери, – пора лекарство принимать.

– Заходи Даша! Не сплю, и Марине Ивановне не даю. Дома выспится, правда!?

– Сегодня можно и пораньше! – улыбнулась Даша, – но и у вас хорошие новости! 99 % процентов совместимости – просто удивительно, спасибо Василию Петровичу – согласился! – протараторила Дарья, не дав успеть опомниться старушкам.

– Дашка! – чуть не закричала Элеонора Арсентьевна, – придержи язык! Ну, девка–дура! Кто же тебя просит!? – негодовала Элеонора Арсентьевна.

– Что такое? – спросила Марина Ивановна, не понимая, что происходит.

– Да, анализы Василия Петровича полностью подошли!

– Да ты замолчишь или нет! – Крикнула Элеонора Арсентьевна, – иди прочь!

– Разве это секрет? – попыталась оправдаться Даша.

– Уйди! Тебе говорят! – разозлилась Элеонора Арсентьевна.

Поняв, что снова болтнула лишнего, Даша выскочила из палаты за Алексеем Сергеевичем.

–Доброго утра! – спокойным голосом пожелал Алексей Сергеевич, войдя в палату, словно стоял за дверью.

– Доброе утро! – ответила Марина Ивановна.

– Не стоит так реагировать, Элеонора Арсентьевна! Просто все очень рады этому событию! Мы долго ждали этого, – убедительно спокойным тоном продолжал Алексей Сергеевич.

– Алексей Сергеевич, что происходит? Это как-то связано с Васей? – спросила взволнованным голосом Марина Ивановна.

– Кому-то язык надо укоротить! – буркнула в сердцах Элеонора Арсентьевна, всё еще пытаюсь скрыть происходящее.

– Ничего не происходит, всё в порядке! Ну, раз эта ин-

формация стала известной вам, я, думаю, Василий Петрович не будет против разглашения этой, в кавычках, тайны. Дело в том, что, когда Элеоноре Арсентьевне стало плохо, в присутствии Василя Петровича, ваш сын, Марина Ивановна, не остался равнодушным в этой ситуации, и...

– Марина Ивановна, – стоит ли говорит об этом!?! – вмешалась Элеонора Арсентьевна, – Алексей, не нужно!

– Элеонора Арсентьевна, я вас прошу! – тон Марины Ивановны был таким убедительным, что Элеонора Арсентьевна решила отступить, пожалуй, первый раз в жизни.

– Так вот, – продолжил Алексей Сергеевич, – когда у Элеоноры Арсентьевны случился приступ, Василий Петрович не остался равнодушным, он ко мне заходил, интересовался состоянием здоровья. Беседуя, выяснилось, что у Василя Петровича та же группа крови, что и Элеоноры Арсентьевны, и он тут же, не думая, предложил себя в качестве донора. Результаты показали очень высокую совместимость. Но, теперь в другом стала проблема!

– В чём же? – спросила Марина Ивановна.

– Теперь Элеонора Арсентьевна не хочет!

– Ну? Я ничего не понимаю, – Марина Ивановна встала от волнения, – вы хотите сказать, что Вася может помочь вылечиться Элеоноре Арсентьевне.

– Это, конечно, процесс длительный, но шанс вылечить нашу дорогую Элеонору Арсентьевну очень высокий.

– Ой! – Марина Ивановна плюхнулась на кровать так, буд-

то скинула с плеч пудовый мешок, – и стоило скрывать? Радоваться нужно, Элеонора Арсентьевна, а вы хотели скрыть! Да разве я буду против? Вы Васю моего плохо знаете! Он никогда не останется в стороне, если кому-то нужна помощь! Вы просто его плохо знаете. Он с детства такой, никогда не останется в стороне. Он и донором был долгие годы, кровь сдавал! – с неким облегчением спешила рассказать Марина Ивановна, – Алексей Сергеевич, вы уверены, что Вася подходит?

– Да! – уверенно заявил Алексей Сергеевич, – мы проверили несколько раз. Ради такого случая, Элеонора Арсентьевна, разрешаю Вам сегодня яичницу с беконом, это дело надо отметить хорошим вкусным завтраком! А Вас, Марина Ивановна, попрошу поговорить с вашей соседкой, почему она так отказывается от помощи вашего сына. Убедите её согласиться!

Алексей Сергеевич вышел из палаты, оставив старушек смотреть друг на друга.

– Преступление века случилось! – немного сипя от переживания вдруг сказала Элеонора Арсентьевна.

– Какое? – Марина Ивановна, не понимая о чём идёт речь, приняла тему, как повод снять напряжение.

– Спешила всё. Всё старалась неделю протолкнуть, ждала выходные, осень, зиму протолкнуть, рвала листочки у календаря, не понимая, что я в урну не листочек от календаря выбрасываю, а свою жизнь. Молодость моя, в той урне осталась

– вот эта кража века! Молодость мою украли, да так ловко, что я даже не заметила! Из-под носа увели! – Элеонора Арсентьевна полезла в тумбочку за альбомом, – вот только и остались фотокарточки, которым даже я не верю уже.

– Что поделать! Так устроена жизнь.

– Вот, поглядите, как устроена моя жизнь! – Элеонора Арсентьевна протянула открытый альбом Марине Ивановне.

– Никак не разберу, – Марина Ивановна пыталась взглянуть в фотографию, – не пойму с кем это Василёк, кто эта девушка? От куда эта фото у вас? Да где же мои очки? – Марина Ивановна рукой пыталась найти очки на ощупь, не отрывая глаз от карточки. – Что же это? – молящим голосом спросила Марина Ивановна, наконец рассмотрев фото через очки.

– Красивая девушка, правда!? Эта девушка – я! А рядом со мной мой Лёва, отец Василия. Как две капельки воды. Когда я вышла из ванны и увидела Василия, меня удар чуть и не хватил. Я подумала, что Лёва передо мной стоит. Потом то я поняла, что это ...

– Ваш сын, – добавила Марина Ивановна.

– Да. Наш с Лёвой сын. Тут и без анализов видно всё. Анализ только подтвердил очевидное. Марина Ивановна, прошу вас, – Элеонора Арсентьевна вцепилась в руку Марины Ивановны, – ничего не говорите Васеньке, Лёша скажет ему, что кровь не подошла, я заставлю его! Только вы ничего не говорите! Не надо ему знать! Вы его мама только вы! – Элеонора

Арсентьевна сползла на колени перед Мариной Ивановной.

– Нет, – Марина Ивановна обняла Алю, – я не могу. Вася должен знать. Он всю жизнь ждал встречу со своей мамой, он хотел эту встречу. Не просите! – слёзы Марины Ивановны потекли в волнистые волосы Элеоноры Арсентьевны.

Марина Ивановна плакала о счастья, что её любимый и единственный сынок – смысл всей её жизни, нашёл свою родную маму. Он ни разу в жизни не дал повода Марине Ивановне думать, что его любовь менее сильна, чем любовь родного сына, напротив, его любовь к новой маме была в разы сильнее. Настрадавшись в детстве, его маленькое сердечко еще тогда научилось генерировать любовь в несколько раз больше, обычного детского сердца, знающего тепло родной мамы. Но Марина Ивановна понимала, что на этой непрочитанной страничке жизни, так и осталась закладка, оставленная маленьким мальчиком.

Элеонора Арсентьевна не хотела тревожить чувства Василия. Если он прожил без неё всю жизнь, то сейчас тем более не время для появления в его жизни, так думала Элеонора Арсентьевна. Но больше всего её было стыдно, стыдно посмотреть сыну в глаза – объяснить своё предательство. Ей хотелось провалиться под землю, но она не разверзалась.

В палату вошёл Василий. Он застал Элеонору Арсентьевну одну. Её глаза были наполнены тоской и сожалением. На кровати сидела согнувшаяся под тяжестью своей главной ошибки в жизни старушка, которая ничего не имела обще-

го с той женщиной, приходившей в детский дом. Василий много раз представлял их встречу, он никогда не переставал желать встречи с мамой в своих мечтах. Он проходил через разные периоды своего переживания, но никогда не было в его чувствах ненависти к своей маме. Его глаза наполнялись слезами, и, словно, маленький ребёнок, он бросился к ней.

– Здравствуй, мама! – Василий уткнулся лицом в колени Элеоноры Арсентьевны.

– Здравствуй, сынок! – Элеонора Арсентьевна проглотила ком, закинув голову кверху. Нестерпимо больно жгло душу чувство упущенной возможности воспитывать свою кровь. Прижимать к своей груди того, кто кого выносила под своим сердцем.

– Я помню вас. Вы мне так делали в детстве, – Василий имел виду её руку. Элеонора Арсентьевна обнимала малыша, запуская руку в волосы, поглаживая кончиками пальцев головушку.

– Ты был совсем крохой.

– Я вас подсознательно помню. А ещё вы мне во сне часто снится, вот такой, как в альбоме, – Василий глядел на фотографию Элеоноры Арсентьевны в открытом альбоме.

– Прости меня, сынок! Прости, если можешь. Хотя бы чуть-чуть прости, – Элеонора Арсентьевна смотрела на свои старые руки, в волосах своего ребёнка, – я помню, только руки мои были совсем другие.

– Мне не за что вас прощать! Я не держу ни зла, ни обиды

на вас. И меня не интересует почему вы так сделали. Мне важно только одно – что я снова встретил вас! – Василий сел рядом с мамой и обнял её обеими руками.

– Спасибо, сынок!

– Теперь всё будет хорошо! Только вот с операцией нельзя медлить.

– Не будет никакой операции, сыночек! Не будет!

– Нет! Как же так!?

– Не спасай эту старуху! Я не стою ни одной твоей клеточки, самой маленькой, ни одного твоего волоска – самого коротенького! Разрешите мне искупить свою вину перед собой! Не будет мне уже ни детских утренников, ни линейки на первое сентября, даже двойки не будет. Не готовить мне тебе завтрак перед школой, ни встречать после института, не сидеть на твоей свадьбе, ни мамой называться – мать я! Биологическая мать – не больше! Это счастье, что я тебя встретила!

– Извините, я не вовремя! – Марина Ивановна появилась в дверях, – процедура закончилась. Я там подожду.

– Нет, нет! – в один голос сказали Василий и Элеонора Арсентьевна.

– От вас нет секретов, Марина Ивановна! Это мне впору выходить!

– Ну, что вы! Не говорите так! Зато теперь у меня две мамы! – Василий усадил Марину Ивановну по другую руку и обнял обеих.

– Мать и мама! – Элеонора Арсентьевна будто поправила Василия.

– Я не могу вас тут оставить. Я хочу, чтобы вы жили вместе с нами! Правда, мам! – Василий повернулся к Марине Ивановне!

– Конечно! Тем более вы привыкли – как я храплю, будем жить в одной комнате, – улыбнулась Марина Ивановна.

– Вася, сынок! Я тебя только об одном попрошу – покажи мне фотографии своих деток!

У Элеоноры Арсентьевны в жизни было много сложных дней и тяжелых ночей, но надвигающийся вечер, обещавший боль и ужас одиночества, пугал беспомощную в этой схватке Алю, больше, чем её болезнь. В душе, эта смелая и стойкая женщина, даже радовалась надвигающейся эмоциональной буре, которая будет безжалостно и беспощадно терзать усталое сердце, помогая искуплять вину перед сыном. Аля представляла, как будут этим же вечером, её родные внуки, унаследовавшие генетический код её семьи, радоваться не родной бабушке, по сути чужому человеку, вернувшемуся из этой тюрьмы старости. Нет, Аля не ненавидела Марину Ивановну, напротив, она была безгранично благодарна этой женщине и её мужу за то, что они всю свою жизнь посвятили её сыну, восполнив пустоты своей любовью, которую не дали родные мама и папа.

Элеонора Арсентьевна подошла к окну. Василий заботливо придерживал Марину Иванову своей рукой, терпели-

во сдерживая скорость шага, чтобы мама не спешила и спокойно проследовала к автомобилю. Марина Ивановна, оставившись на несколько секунд, что-то показывала сыну, указывая толи на тропинки, толи на лавочки. Возможно, она сейчас говорила о совместных с Элеонорой Арсентьевной прогулках, создавая возможность такого предположения приятным для Элеоноры Арсентьевны, хотя бы так, на расстоянии она оставалась не забытой.

Василий не обернулся. Он это сделал не нарочно. Сын не помнил тот эпизод из своего детства, когда мама его забыла в детском доме и больше не вернулась. Василий был тут всего несколько раз, и, скорее всего, не обратил внимания где именно находилось окно, из которого сейчас его провожала взглядом, давшая ему жизнь женщина. Автомобиль скрылся за закрывшимися воротами, унеся с собой что-то, что ещё оставалось у Элеоноры Арсентьевны, оставив в душе одинокой старухи бездонный океан пустоты. Слезы – вот что могло сейчас хоть как-то её утешить. Но сухие престарелые глаза были бесчеловечно скупы даже на одну слезинку. Они даже не моргали, заставляя смотреть на закрытые ворота.

Але вернулась та боль, которую испытал её крошка в день разлуки. Теперь она поняла сполна, что значит быть “забытой”.

Как ни старалась Алевтина вспомнить, но она не могла вспомнить, чтобы кого-то из стариков, дети забрали из этого пансионата обратно домой. Марина Ивановна была един-

ственным человеком, за которым пришли. Неудивительно! Ведь она сама пришла когда-то за маленьким ребёнком, отчаянно нуждающимся в маме. С годами ничего не изменилось – маленький ребёнок давно стал взрослым мужчиной, но ему всё также нужна была мама.

Аля уснула под утро, когда первые лучи солнца, чуть начали касаться верхушек самых высоких сосен. Сверчки, прячась в траве под этими вековыми соснами всё еще продолжали играть свою ночную мелодию, не замечая первых вестников утра. Туман лениво опускался на траву, оседая росой. На небе одна за одной гасли звёзды, исчезая в голубеющем небе, словно чьи-то сны.

Алин сон только начинался. Аля видела себя молодой, в красивом платье. Её губы были накрашены яркой помадой, но казались весьма скромными. Прическа была аккуратно уложена под белую шляпку. У Алевтины было такое радостное настроение, что казалось её ждёт самая главная встреча всей её жизни. Но вот – почему-то ею овладевает смятение. Чувство радости и счастья от предстоящей встречи вот-вот ускользнёт. Она отчётливо слышит звук от своих каблучков. Она идёт по тропинке детского дома к калитке. Алевтина остановилась... Она чувствовала взгляд малыша... Запах его волос, всё ещё стоял у неё в носу. Сквозь сон ей хочется закричать самой себе – НЕ УХОДИ! Она знала, что если сейчас не обернётся, то уйдёт навсегда. Канонада ударов её сердца резко затихла – Алевтина обернулась. Из её сонных

закрытых глаз потекли слёзы. Это были самые счастливые слёзы – малыш, увидев, что мама обернулась, от счастья забарабанил обеими ладошками по стеклу, издав пронзительные звуки радостного смеха. Теперь мама его тут не забудет! Они будут вместе всегда!

Утром, этот сон Алевтина помнила бы непременно. Она с удовольствием бы его рассказала Даше, даже не почувствовав укола шприца. Потом бы она рассказала этот сон Алексею Сергеевичу, не упуская ни одной мелочи. Она бы не стала обедать в своей палате, а непременно пошла бы в общую столовую, чтобы рассказать этот сон другим старикам. А вечером, перед сном, ещё раз бы его рассказала Даше.

Аля осталась там, во сне, со своим крохой, оставив на своем изрезанном болью и морщинами лице счастливую улыбку, словно послание, чтобы о ней не волновались.

Глава одиннадцатая

– Здравствуйте, Алексей Сергеевич, проходите! – Василий Петрович пригласил войти в квартиру.

– Добрый день, Василий Петрович! Спасибо, что нашли время встретиться с нами. Я вас предупреждал, что буду не один, это Орлов Вадим Николаевич – нотариус, поверенный вашей родной матери.

– Нотариус? – переспросил Василий Петрович, есть какие-то вопросы?

– Василий Петрович, я хочу вас уведомить об открытии наследства. После смерти Алевтины Арсентьевны Назамовой, вы являетесь наследником по закону. Единственным наследником. Мы здесь чтобы оформить необходимые документы о вступлении в наследство.

– Разве мама что-то имела в собственности?

– Да, а именно счет в банке на сумму сто сорок три миллиона пятьсот тысяч рублей, долю в уставном капитале юридического лица, известного вам, как пансионат «Росинка», в размере семидесяти пяти процентов, квартира на Пречистенке, а также несколько художественных произведений и ювелирные изделия, которые хранятся в банке. Вот – вы можете ознакомиться с полной описью движимого и недвижимого имущества, – нотариус протянул документы.

– Но как такое возможно? – Василий с удивлением листал

документы.

– Да, Василий Петрович, – сказал Алексей Сергеевич, – Элеонора Арсентьевна была обеспеченным человеком. После смерти вашего, позвольте сказать, родного отца, Льва Аркадьевича, Элеонора Арсентьевна унаследовала его состояние. Также часть средств Элеонора Арсентьевна завещала детскому дому, в котором вы воспитывались до усыновления. Это была поистине удивительная женщина. С ней закончилась целая эпоха. Приезжайте на следующей неделе, обсудим с вами дальнейшие дела пансионата.

– В завещании нет племянников Элеоноры Арсентьевны? – спросил Василий.

– Не удивляйтесь этому, – ответил Вадим Николаевич, – никакой ошибки нет, этот вопрос Элеонора Арсентьевна уладила ещё при жизни, вы единственный наследник.

– Ведь я только её нашел!

– Нам её всем будет не хватать. Вот фотокопия жизни вашей семьи, – Алексей Сергеевич подал Василию Петровичу альбом Элеоноры Арсентьевны, – теперь я понял, почему Элеонора Арсентьевна всю жизнь говорила про альбом, что он не полный – там нет вас!

Василий Петрович долго рассматривал толстенный альбом своей родной, но чуждой семьи. Впервые он увидел на пожелтевших фотографиях своих кровных бабушку и деда, живших когда-то в далёких казахских степях, так и не узнавших о существовании своего внука, детские фотографии

своей родной мамы, которую ждала интересная, но сложная жизнь.

Отец. Фотографии отца особенно тронули Василия. На них он видел себя, только в другой эпохе. Особенно на ранних фото, где отец был моложе, и их характеры казались похожими. На тех фотографиях, где отец был старше сегодняшнего Василия, его характер уже поменялся, так чувствовалось сыну, не знавшего своего родного отца, но он считывал его генетическим сканером. Это был уверенный в себе чиновник, который скорее мог не найти место в жизни для своего родного сына, но тот молодой, полон человеческой отзывчивостью, как он смог продолжить свою жизнь без сына. Какие обстоятельства были важнее своего бессмертия в лице родного сына? Ведь именно так говорят мудрецы, когда у мужчины рождается сын, мужчина становится бессмертным! Почему этому мужчине не хотелось держать за руку своего крошку? Ходить с ним на городской пруд кормить уток или вместе кататься на велосипеде летом, а зимой лепить снеговика? Сын смотрел на своих родных родителей и думал, почему не нашлось места для него ни на одной фотографии, в то время, когда для него самого его дети были важнее всей его жизни, не говоря про какие-то обстоятельства, какими бы они не были!

Чем дольше Василий смотрел на семейный фотоальбом, тем больше он понимал отказ Элеоноры Арсентьевны от воссоединения с сыном в своей старости. Она утратила право

быть мамой в своей молодости. Так она хотя бы сохранила честь называться матерью. Василий думал, как стойко родная мать перенесла их встречу. Он догадывался как тяжело ей дались эти испытания, особенно решение остаться одной в доме престарелых. Василий сожалел, что он ему не удалось узнать родную маму получше и побыть с ней дольше. Но он был бесконечно счастлив застать её живой.

– Не помешаю? – Марина Ивановна с улыбкой спросила сына, подойдя к столу, за которым сидел Василий.

– Ну, что ты, мам, присаживайся рядом! – Василий поставил стулья рядом.

– Тебе тут почти четыре, твой первый портрет, – Марина Ивановна показала на фото из их семейного альбома, заметив, что Василий рассматривает фотоальбомы двух семей. – А это мы вместе в парке отдыха и культуры, в тот же день. Папа нас повёз на следующий день, когда мы тебя забрали домой.

– Я помню эту поездку, – Василий рассматривал фото на отдыхе на море, – я тогда первый раз море увидел.

– Это было на следующее лето. Ты зимой часто болел, врач посоветовал свозить тебя на море, папа путёвку достал. Признаться, мы сами тогда были второй раз на море. Удивительно, что ты помнишь.

– Яркие эмоции всегда запоминаются, хотя бы отрывками.

– Ты обижаешься?

– На них? – Василий взял в руку фотографию на кото-

рой вместе сидели и улыбались Элеонора Арсентьевна и Лев Аркадьевич. – Нет, -немного подумав ответил Василий. Нисколько. Я не знаю, почему мои родители не захотели меня, но я не сержусь. Помнишь Федьку, мы с ним на плавание ходили?

– Конечно, помню!

– У него пять детей!

– Что ты говоришь? Когда успели! – радостно улыбнулась Марина Ивановна.

– Да, всё правильно. У них своих двое было, а потом Федька ещё троих усыновил. Он же тоже в детдоме рос, только меня вы забрали, а за ним так никто и не пришел. Вот он и говорит, что это самое страшное – ждать, когда за тобой придут, но так никого нет. Говорит, что брошенную дворняжку новый хозяин любит, а как же не любить ребёнка, хоть и не родного!

– Мы никогда не думали, что ты не родной!

– Я знаю. Я всегда чувствовал вашу любовь, по сию секунду чувствую, – Василий взял маму за руку, – ты спрашиваешь – сержусь ли я – нет, не сержусь. Я получил материнской любви сполна; мне хотелось дать матери сыновьей любви, столько – сколько бы успел. Теперь то я понимаю, что нет ничего дороже и чище детской любви. Но и материнскую любовь ничем не заменить. Я всегда знал, что я желанный ребенок! Ты моя мама!